

Евгений СУХОВ

Воровская

РАЗБОРКИ АВТОРИТЕТОВ

Варяг

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Разборки авторитетов

«ЭКСМО»

1997

Сухов Е. Е.

Разборки авторитетов / Е. Е. Сухов — «Эксмо», 1997 — (Варяг)

ISBN 978-5-699-30379-3

Волею судеб оказавшись в Америке, знаменитый вор в законе Варяг и там развернулся вовсю. Он стал вести непримиримую войну с итальянской мафией за прибыль от преступного бизнеса. Но пока он воевал за океаном с «коза ностра», молодые российские авторитеты начали делить сферы влияния, установили контроль над воровским общаком и предъявили Варягу свои требования. И знаменитому вору пришлось срочно сорваться в Россию, чтобы навести порядок среди беспредельщиков... Книга также выходила под названием «Крутые парни»

ISBN 978-5-699-30379-3

© Сухов Е. Е., 1997

© Эксмо, 1997

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	30
Глава 10	34
Глава 11	36
Глава 12	39
Глава 13	42
Глава 14	44
Глава 15	48
Глава 16	52
Глава 17	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Евгений Сухов

Разборки авторитетов

Глава 1

Крапива был убит единственным выстрелом. Пуля угодила между глаз, раздробила переносицу и вышла у основания черепа. Тело повалилось на дверцу «Мерседеса», измазав стекло кровью, выпало на тротуар.

Многие годы Крапива отличался предельной осторожностью – не оставался на открытом пространстве более минуты, от офиса до дома добирался, как правило, разными маршрутами и никогда не делал остановок по пути. Человек решительный и рискованный, он последнее время был особенно удачлив, а это вызывает определенную усталость. Расслабился, одним словом. Остановился пачку сигарет купить, и привет!..

Один из крупнейших авторитетов, Крапива контролировал северо-западный район Москвы. Дороги на Санкт-Петербург и Прибалтику, гостиницы и бензоколонки были обложены данью, пополнявшей его ежедневный бюджет десятками тысяч долларов. Среди братвы ходил слухок, будто он купил себе израильское гражданство, а в Европе у него три фабрики по переработке кожи. Говорить говорили, но спросить у Крапивы в лоб, так ли это, желающих не находилось.

Осиротев, Северо-Запад столицы стал заметно сдавать позиции измайловским – те в открытую заявляли, что отныне имеют право на долю в гостиничных комплексах. Измайловская братва трижды назначала северо-западным «стрелку», где грозились отправить неговорчивых вслед за Крапивой. И хотя северо-западные пока еще держали в своих руках наиболее прибыльные рынки, гостиницы, автосервисы, тем не менее ни у кого не возникало сомнений в том, что расправа с Крапивой поставила в этом противостоянии точку.

Андрей Васильчиков получил кличку за свой характер. Точь-в-точь крапива... Обжигал и правого, и виноватого. Острый на язык, он сумел нажать уйму недоброжелателей. В воровском мире восприняли его смерть как естественное завершение жизни авторитета – слишком многим последние годы он наступал на пятки. Однако поверить в то, что никто из окружения Крапивы не унаследовал его взрывной, неговорчивый характер, было невозможно, и потому измайловские держали ухо востро. На «стрелки» они являлись со взведенными курками и не выпускали руки из карманов, готовые в подозрительный момент разрядить обоймы.

На этот раз встреча была назначена на пустыре. Инициаторами «стрелки» стали измайловские воры. Крапивинским братанам не оставалось ничего другого, как принять предложение. За четверть часа до установленного времени пустырь оказался забит под завязку – измайловские нагнали около двух сотен «пехоты», а северо-западные выставили полтора ста.

На место Крапивы претендовал двадцатисемилетний вор Гиря, получивший эту кликуху за огромные кулаки. Отсидев шесть лет за разбой, он и в тюрьме зарекомендовал себя «правильным пацаном». Он поддерживал «закон» и, считаясь неконфликтным вором, старался по возможности спорные вопросы разрешать путем диалога.

Место для «стрелки» измайловские выбрали на заброшенной свалке. Если не знать, что здесь нашли последний приют списанные локомотивы и грузовики, можно было подумать, будто среди разбитых вагонов, покореженных рельсов и битого стекла только что отгремели бои. Казалось, этот суровый ландшафт специально предназначен для жестоких разборок.

Взгроздившись на исковерканные вагоны, измайловские кидали взгляды на груды ржавого железа и соображали, как потратить с пользой обещанный фартовый аванс.

Ровно в четыре прикатил Седой. Лидер измайловской группировки, законный стаж которого перевалил уже на второй десяток, распахнул дверцу «БМВ», выбрался из машины, что-то сказал своим бойцам и, стараясь не наступать на ошметки хлама, пошел навстречу Гире. Десять телохранителей не отставали ни на шаг.

Два авторитета встретились возле разбитого автомобильного кузова. С минуту они молча разглядывали друг друга, будто прошедшая неделя изменила каждого до неузнаваемости, а потом Гиря невесело поинтересовался:

– Хотел мне что-то сказать, Седой?

– Не буду скрывать, Гиря, ты мне симпатичен. Что есть – то есть. От авторитетных людей слышал о тебе много хорошего. Знаю, что ты из правильных, но хотелось бы кое-что прояснить. Не возражаешь?

– Давай, Седой! Я – весь внимание.

Высоченный Гиря рядом со щуплым измайловским авторитетом выглядел настоящим гигантом.

– Я тут потолковал с солнцевскими, балашихинскими, долгопрудненскими, и мы решили: будет лучше, если твоя территория полностью перейдет под мой контроль... Они меня поддерживают. Вот такой расклад! Ты остаешься в одиночестве.

Новость Гиря встретил мужественно. Его лицо по-прежнему оставалось невозмутимым. Он молчал, уставившись на перевернутый кузов, словно не было сейчас более занятного зрелища, чем ржавое железо. А потом перевел взгляд на своих телохранителей и спросил:

– Слышали, братва?

– Похоже, мы не договоримся с Седым, – растянул губы в недоброй улыбке один из пацанов. – Я поражаюсь твоему терпению, Гиря. Крапиву бы сюда!

Гиря повернулся к Седому.

– Я не понял, что ты хочешь предложить нам, Седой? Распахивать перед тобой двери «БМВ», а может, держать над тобой зонтик?

– Ты действительно меня не понял, Гиря! Я предлагаю тебе стать одним из моих доверенных. Будешь делать то, что и прежде. Вот только самые крупные акции придется согласовывать лично со мной. И вот еще что. Ты не должен жадничать – обязан перечислять в общак вдвое больше прежнего.

Гиря поковырял спичкой в зубах.

– Думаешь, я соглашусь?

Теперь Седой в течение минуты не отводил взгляда от ржавых бортов грузовика.

– А у тебя нет другого выхода, – отрубил он, глядя на Гирю в упор. – Иначе я тебя... проглочу!

– Вот как... Лихо! Больше ничего не хочешь добавить?

– Нет, – бросил Седой и, повернувшись, зашагал в сторону своей «пехоты».

Гиря наблюдал за тем, как Седой, подтягивая руками брючины, перешагивал через железяки, обходил стороной кучи мусора, вертел головой направо-налево, опасаясь испачкать штiblеты.

– Седой! – окликнул его Гиря. – Говоришь, проглотить меня? А дурно не станет?

Седой не ответил. Лишь покосился на Гирю. А тот застыл в центре пустыря, словно монумент. Подставляя под колючий взгляд Гири бритые затылки, за Седым брела «пехота».

Седой не спешил. Он знал, что, как только сядет в машину и заведет двигатель, десятки стволов жажнут по северо-западным и первый, кто упадет бездыханным, будет Гиря.

Прошло минуты две, а может, три, прежде чем он устроился поудобнее в своей машине. В салоне «БМВ» было тихо и уютно. Помедлив еще самую малость, Седой повернул ключ зажигания и запустил двигатель. В ответ он услышал, как застучали «АКМ». В зеркале заднего обзора увидел, как Гиря дернулся, а потом завалился на правый бок...

Дальнейшее Седого не интересовало.
Набирая скорость, машина покидала место разборки.

Глава 2

А кружка пива «У Влаха» сейчас точно не помешает, усмехнулся про себя Варяг, надевая пиджак и покидая свой роскошный кабинет. Тем более у океана хорошо думается, а поразмыслить есть о чем.

Варяг любил уютное кафе, обустроенное предприимчивым чехом Влахом Прохазкой на скалистом берегу, метрах в двухстах от дороги, бегущей из Сан-Франциско вдоль побережья. Частенько по пути домой Варяг заезжал сюда один или со Светланой. Тихое, романтическое место, хорошая кухня, отличное чешское пиво, прекрасный вид на залив: сиди себе под скалистой стеной, дыши океанским воздухом да проветривай мозги.

Варяг отпустил охрану и последним покинул офис. На лифте он спустился прямо в гараж, отыскал среди машин свой представительский «Форд» и, как всегда перед выездом, проверил, на месте ли запасные водительские права и техпаспорт, выписанные на имя некоего гражданина США Смирнова Юрия Ивановича. Береженого бог бережет! Владислав Геннадьевич Игнатов, он же Варяг, в вопросах конспирации был щепетилен, в особенности последнее время.

Сегодня был трудный день, да, впрочем, и вся неделя выдалась напряженной. Надо было развеяться, побыть одному.

Нижняя дорога вдоль океана, плавно извиваясь, быстро привела его к автостоянке, где он оставил свою машину, и по ухоженной, обсаженной декоративными кустами дорожке сбежал вниз к небольшому экзотическому кафе под вывеской «У Влаха».

Облюбованный Варягом столик на краю площадки был свободен. Немногочисленные клиенты Влаха вели душевные беседы и не обращали никакого внимания на нового посетителя. Варяг отдыхал, наслаждаясь одиночеством и покоем. Принесли креветки и прохладное пиво – он всегда заказывал здесь «Праздрой».

С площадки открывался действительно великолепный вид. Внизу медленно накатывали на кромку берега волны. Они потягивались и изгибались, как добродушные, сытые черные пантеры. Их плавно изогнутые спины, длиной в сотни метров, обрамляла густая пена.

«И за борт ее бросает в набежавшую волну», – пришло ему на ум. Он поморщился. Черт знает что! Вспомнил ни к месту народную песню, где одна лишь бессмыслица. Подвыпивший Стенька швыряет в реку прекрасную персидскую княжну, которую братва только что изнасиловала с его собственного согласия. И из-за этого все ликуют и делают его национальным героем. Ну ладно, Стенька – мужик! Но почему «вдоль по Питерской» идет пьяная баба, которая пила только что «из полуведра»? Не из ведра, слава богу, но и она становится символом народного восхищения! Да, видать, любит выпить и хорошо отдохнуть русский народ...

Варяг чувствовал, как в нем растет раздражение.

Почему вдалбливают, что можно прекрасно жить, ничего не вкладывая и не производя? «Мы тут сидим, а денежки идут», – капала на мозги телевизионная реклама. Если раньше в совковый период экран телевизора был красен от флагов, то теперь сплошная тупость: порнуха, катастрофы, убийства. Кому-то все-таки на Руси «жуть хороша»? Кто-то заинтересован в том, чтобы население жило в страхе? Пацаны растут в атмосфере чернухи: того и гляди либо прибьют, либо сам в тюрьму загремишь за разбой. Ладно, за нанесение морального увечья проходимцам в подтяжках на ТВ придется отвечать, отстегивать на грив малолеткам, раз уж они их в зону подталкивают, а не зовут к чему-то светлому.

В зарослях, справа от Варяга, чирикнула пичуга. Ей ответила другая. Варяг залпом осушил кружку, поднялся, чтобы пройтись вдоль кромки океана, своим обычным излюбленным маршрутом.

А при таком раскладе в многострадальной России во главе ведь ни разу не стоял человек, который отстаивал бы по-настоящему интересы этого крупнейшего государства. Один маньяк, другой простак, а третий – ни рыба ни мясо, и так далее. В совковые времена Россия, единственная из пятнадцати республик, не имела своего Политбюро. И это – когда всем в стране владели коммунисты. В России, значит, не было хозяина? Председатель российского правительства тогда даже не являлся членом этого самого Политбюро. Все кроилось без него, и понятно, что многие проблемы решались за счет России.

Варяг поморщился.

Самые грязные и вредные производства – химические, биологические – строились на ее территории. Могильники радиоактивных веществ и отходов сооружались здесь же. А всякая там электроника и приборостроение у прибалтов, например. Теперь вообще черт-те что. Хотят оставить великую державу без собственных портов. Кукурузник отдал Крым. Одним росчерком пера. И ни гугу! Вот он – беспредел! Сплошная тишина. Все делалось шито-крыто. И сейчас грабят державу все кому не лень. И опять тишина. Бардак кругом потрясающий: один роет ближнему яму, другой – сразу могилу, третий закапывает и тех и других. И всем всё по херу.

Варяг вдоль берега, по тропинке, дошагал до шоссе и повернул назад к кафе.

А эта Америка? Черт бы ее побрал! Видите ли, Россия стоит с протянутой рукой... Зараза! А сама окольными путями, через всякую шантрапу получает из России всего, и столько! А эту «гуманитарную помощь», которая не сравнима ни с чем!!! Уж он-то знает! Мозги, специалисты-эмигранты, цвет нации, золотой запас: математики, биологи, физики. И не какие-нибудь профессора марксизма-ленинизма, а настоящие ученые переехали сюда. Причем сорвались с мест и маршалы от науки, и рядовые, без которых не обойтись. И скорее всего Россия их потеряла безвозвратно. Да, крупно задолжала Америка России! Но ничего, дайте срок, разберемся. Мы тут недаром корячимся, нарабатываем общак. Коммунисты да демократы сраные все разбазарили. А эти приватизаторы хреновы! Сынков и дочек своих в Гарварды да в Оксфорды поотправляли учиться. А свой собственный университет да физтех с дерьмом смешали. Бабки откуда? А воруют! Вот уж кто ворюги так ворюги... И все как на подбор. Только до декларации о доходах дело доходит, так вся Дума против голосует. В пушку, видать, рыльце!

Варяг вернулся к столику, допил вторую кружку. Хорошее пиво! И почему в России такого никак не научатся варить? Есть о чем подумать. Ну да ладно. Пора домой. Он достал деньги, отсчитал нужную сумму и, как обычно, оставил ее на тарелке.

Через пару минут Варяг был наверху, у автостоянки.

Он сел в машину и уже повернул ключ зажигания, когда понял, что его почки исправно реагируют на пиво и до дому ему не дотянуть.

Придется обоссать Америку! Влах точно не обидится, подумал Варяг и улыбнулся. Не выключая зажигания, он выскочил из машины и помчался вниз, в кусты под скалой.

И тут за спиной раздался страшный взрыв. Варяг едва удержался на ногах. Он оглянулся.

Секунду назад его машина была «Фордом», теперь разорванная на куски бесформенная масса годилась разве что как экзотический экспонат на выставку художников-авангардистов. Зрелище было то еще.

– Ни фига себе помочился! – процедил сквозь зубы Варяг.

Было очевидно, что взрывное устройство с запозданием сработало, когда он включил зажигание...

– Вот это антракт! – закончил он мысль вслух. А потом добавил: – И да здравствует пиво «Праздрой»!

Главное, Владик, теперь без вибра. Без суеты! – приказал он себе и зашагал вниз по тропинке. Привлекать внимание полиции и журналистов не входило в планы Варяга. Машина числилась за Смирновым. Отлично! Обогнув скалу понизу, Владислав через десять минут вышел на шоссе в километре от места взрыва. Шагал он неторопливо. Наверху слышался вой сирен.

А справа от него спокойно плескался океан. Варяг остановил первое попавшееся такси и всю дорогу до дома делал вид, будто читает газету, хотя сам лихорадочно обдумывал случившееся. Кто-то явно выследил его. Пока он пил пиво, ему установили эту штучку и, как говорит Сивый, в натуре прикинули хер к носу. Однако кому он, бизнесмен Игнатов, встал поперек горла в этой сраной Америке? Или все же это старые дружки-приятели взяли след?

Таксисту Варяг велел остановиться в километре от своей виллы. Расплатившись, он уже через пятнадцать минут был дома. Светлане решил ничего не говорить. Зачем пугать женщину?

– Владик, как дела? – встретила она его сияющей улыбкой, одетая в легкий полупрозрачный пеньюар, под которым легко угадывались соблазнительные округлые формы.

– Как сажа бела, – буркнул он, поцеловав ее в губы. – Устал чего-то. Жарко, пойду освежусь в бассейне.

На ходу сбросив с себя одежду, Варяг, не раздумывая, нырнул в прохладную, слегка голубоватую воду и минут двадцать без остановки плавал взад-вперед, пытаясь снять напряжение. Выбившись из сил, он выбрался из бассейна, укутался в мягкий махровый халат и расположился у воды в удобном шезлонге.

Солнце уже скрылось за горизонтом. День угасал, оставляя в сумерках облака, океан и горы.

Владислав Геннадьевич погрузился в раздумья. То, что случилось сегодня, не было неожиданностью.

Глава 3

Второй месяц Варяга не покидало дурное предчувствие. Вечерами тягостной казалась окружавшая тишина, а высокие, с красивой листвой деревья, что обступили дом, напоминали караульные вышки приполярной зоны. Ему мерещилось, что еще мгновение – и непрочную тишину сада рассечет рев бензопилы, а затем, подгребая под себя яркие цветы и жимолость, с шумом упадет одно из этих красивых деревьев.

Вот и сейчас Владиславу почудилось, будто за тесными рядами кустов в предвечерних сумерках он видит темные фигуры эков, которые, о чем-то переговариваясь, неторопливо бредут в сторону дома.

Ворота почему-то оказались распахнутыми. Шли трое. В телогрейках. Входят и сразу начинают валить самое высокое дерево.

Он кричит, чего им надо?

Не слышат, видно, из-за шума пилы. А может, у него голос сел.

Опять кричит. Один подходит и ухмыляется. Виснет на нем крюком. Не то чтоб тяжело или больно, а как-то слишком плотно. Шею обхватил, кулак под подбородком, а сам щетиной щекой о его лоб трется. Перегаром и гнилыми зубами изо рта несет. Страха еще нет, а вопрос есть: чего их сюда принесло?

– Нормально, – хрипит висящий на нем. – Ни хера тебе не сделается. Сейчас и они подойдут. Все получишь сполна, падла!

Ну вот, стены появились. Дырявые, из досок. А все-таки стены. И огоньки вдалеке замелькали. И опять все как-то сузилось. Барак? Да, похоже, барак. Неимоверной длины... Пошли нары. Люди копошатся. Где-то радио сипит – музыка.

Вдруг открылся высокий зал с колоннами, а там женщина. Голая. И ей лет сорок, фигура аппетитная. Лицо красивое. Но нейтральное. Рядом вывеска – «Властилина»! Он улыбается женщине через силу, обнимает ее, а она как будто не замечает. Может, разглядит наконец, кто он такой? Вот бы! И не собирается... А ведь это он с ней... Ну да ладно.

А эк всей тяжестью повис и сильно сдавливает рукой шею.

– погоди, – говорит он эку, – у меня дела в «Хопре», ехать надо.

И вот они уже на каком-то тряпье. Печка горит железная. За деревянным, из кривых досок столом сидят урки, водку хавают из алюминиевых кружек. Картошка на газете.

– Посиди, посиди... – бормочет старый эк. – Это тебе не Америка. Это тебе не Сан-Франциско.

И продолжает давить.

Вдруг стало страшно. Почему Америка? Узнали, что ли? Им ведь было сказано – Лондон. Такая конспирация была. Только Ангелу академик Нестеренко разрешил сказать. Неужто Ангел? Не может быть.

От печки жар сильный, приятно. Он глядит, на нем только майка – ни пиджака, ни рубашки.

– Люди! Пиджак украли!!!

– Да ладно... – вяло замахали руками эки и поднялись расходиться. – Пиджа-ак! Где покупал-то? В Париже?

– Братишка, я же замерзну. У меня дела.

Народ разбредается.

– Дела у следователя, – бормочут.

Чего его понесло в этот барак? Надо что-то сделать. Идти надо. Рванул – и соскочил с него человек, отвалился куда-то, пропал.

Но голому как идти? Схватил что-то с перекладины свисающее – пиджак! Не свой, конечно, а такой рабочий... пиджак-роба, что ли? Грязный, просаленный... Но куда деваться? Сунул руку в рукав, а из внутреннего кармана пачка денег торчит и пропуск, а на пропуске крупными буквами «МММ». Да, славно поработали. Ну, теперь на самолет и улететь. Сначала в Лондон, потом в Монреаль, а оттуда в Сан-Франциско. А то абсурд какой-то. Прямо сон. Быть не может.

Сам не помнит, как на улице оказался. Пригород, что ли? Не улица, а тропа под горою. Дома все на горе. Светятся тускло. К большому красивому дому дорожка. Рыжая глина. Пошел, попробовал. Скользко. Что ни шаг, все круче. Как на льду. Сейчас начнет руками хвататься. И начал. Все ладони в холодной рыжей глине и мелких острых осколках. Оглядывается, а внизу уже море и белый корабль в отдалении.

Дополз, до окна дотянулся и грязными ногтями в окно стукнул. И раз, и два, и три.

Мутно выглянул в окно мужик, а потом на крыльцо вышел.

– Вам кого, Владислав Геннадьевич? Путч закончился.

Какой ужас, не может вспомнить, кого ему надо!

Янай набычился.

– Мне нужен... мне нужен Нестеренко.

– Слышь! – крикнул Янай в глубину дома. – Нестеренко спрашивают, Егора Сергеевича.

Изнутри захохотали в два голоса – мужской и женский.

– Путч закончился. В Москве Нестеренко, – отозвался мужской голос.

Если в Москве, тогда в каком году? Он сам оттуда давно уехал...

А дом весь такой белый-белый. Но окна черные, опаленные...

– Ну как там, за границей, живут? Ничего? – спрашивает бородатый урка с мощной мускулатурой.

Стоит на пороге, скалится.

– Живут. А откуда вы знаете, что я...

– Ну-у... тиливизирь-то глядим изредка. Там за бугром небось черных вторников вам устроить не удастся? А, братан? Там такие дела у вас не проходят. Не-а!

И опять будто он в бараке. И там, в полутьме, задвоилось лицо зэка, который шею сжимал.

– А, вот он! – хрипит зэк, пробираясь поближе.

Острое жало страха вонзилось изнутри в солнечное сплетение. Но лучше это жало, чем тот ножик, который зэк вертит кончиками пальцев.

– Приоделся, парчушка! Смотри какой артист, бля... Клифт у меня попер. Ты чего по горе ходил, падла? Нестеренко искал? Щ-ща-ас будет тебе Нестеренко. И Ерланы, и Тибеты, и Чары, и Тверьюниверсалбанки. Щас все тебе припомним. Сука буду!

Зэк шел медленно, пританцовывая вправо и влево, почти не продвигаясь вперед... В руках он держал... Неужели взрывчатка?.. А-а! Взрыв. Осколки, автомобиль... Все смешалось.

Тут на балконе появилась Света. Тянет за рукав. Будто их ждет самолет.

– Владик, проснись!

И он просыпается в шезлонге у бассейна, на своей вилле, неподалеку от океанского побережья Сан-Франциско.

– Владик, проснись, – говорит Светлана. – Про-о-сни-ись, ми-и-лый! Тебя к телефону! – Светлана тормошила его за плечо. – На, ответь. – Она протянула радиотелефон.

– Слушаю, – сказал Варяг и покосился на жену.

Светлана тут же повернулась и ушла.

– Владислав Геннадьевич, сколько лет, сколько зим. Это некий Юрьев тебя беспокоит. Помнишь меня?

– ...Ну, здравствуй, Сержант!..

– Значит, не забыл?

– Да как тебе сказать. Оно бы с глаз долой – из сердца вон. Не нами сказано, но не всегда получается.

– Вот и я так подумал. Сегодня я тебе уже напоминал о себе. Да, видать, промахнулся. Но зато имею удовольствие поговорить с тобой еще раз.

– А-а-а! Вон оно что! Понял, теперь понял, – протянул Варяг. – Так вот кто, оказывается, сегодня проверял на прочность мой автомобиль. Однако, Сержант, у тебя дурные шутки. Грубые.

– Зато у тебя чутье отменное, Варяг. Я бы даже сказал – волчье чутье. Это надо ж – за пять секунд до взрыва потянуло в кусты. Поздравляю. Сегодня тебя спас мочевого пузыря.

– Спасибо за поздравления. Жаль, что тебя, Сержант, чутье стало последнее время подводить.

– Ты так думаешь?

– Тут и думать нечего. Не я ведь, а ты два года тому уложил наповал собственного брата. Я тебе его из тюрьмы достал, у себя в доме схоронил. Думал, выполнишь мое задание, ухлопаешь Валаччини, возвратишься из Италии в Москву, а тут тебе сюрприз припасен. Чего ж ты родную кровинушку не почувал? А? Думал, это я за занавесочкой стою и дым колечками в форточку пускаю?

В ответ – слегка сбившееся дыхание.

– Стареешь, видать, Сержант!.. Молчишь?.. Ну молчи! Одно тебе скажу – без чутья ведь долго не протянешь. Поверь мне.

– Верить тебе? Ну уж нет! Ты, сука, специально тогда брата подставил? Я этого тебе не прощу вовек! Сегодня ты ушел от меня. Но запомни: завтра я тебя все равно достану. Ты покойник, Варяг! Молись. У тебя осталось немного времени.

– Не прикидывайся народным мстителем, Сержант. Скажи лучше, сколько тебе заплатил Валаччини за мою голову?

– Ты все на деньги меряешь, Варяг. А жаль... Жди меня. Я тебя скоро найду.

– Ну-ну! Жду, Сержант. Только не обижайся, если наша встреча будет для тебя последней. Мне будет жаль, поверь. Таких, как ты, немного. И еще одно, Сержант. Надеюсь, ты настоящий мужик и не станешь распространять свою ненависть на мою жену и сына.

– В этом ты можешь на меня положиться. Даю тебе слово, Варяг. Мне нужна только твоя жизнь.

– Тогда до встречи.

Варяг отложил в сторону телефон и задумался.

– Владик, ужинать будешь? – прервала его раздумья Светлана.

– Нет. Выпью молока. Принеси, пожалуйста, наверх. Пойду лягу, устал. Последнее время много работы.

– Владик, тебя что-то беспокоит? Я это вижу.

– С чего ты взяла? Пустяки, – ушел он от прямого ответа. – Я газету отложил, ты не выбросила?

– Наверху, на тумбочке. Сам просил отнести туда.

Глава 4

Варяг поднялся к себе на второй этаж. Взял в руки пульт охранной сигнализации. Все индикаторы показывали норму – значит, все в порядке. Охрана также была на месте. Варяг прилег на кровать и попытался читать газету. Было тревожно. В голове роились мысли. Какие-то беглые, ускользающие обрывки, полная сумятица. Что ж, сон в руку. Но что дальше? Главное – угадать момент, точно выйти на цель и не терять времени. С Сержантом срочно нужно что-то предпринимать. Ясно, будет кружить вокруг офиса, а скорее всего у дома. Охрана его вычислит.

Варяг поднялся, подошел к секретеру. Достал бутылку виски. Если бы кельты только и сделали, что изобрели виски, подумал он, их вклад в цивилизацию и так уже был бы достаточно велик. Он наполнил бокал с толстым дном ровно наполовину. Выпил одним махом и снова лег.

Сержант не шел из головы.

Это ж надо, сумел отыскать его, хотя никто, даже бывшие друзья, оставшиеся в России, сейчас и представить не могут, что он, Варяг, здесь, за тридевять земель. И в самом деле – конспирация, сопровождавшая его отъезд сюда, была предельной. Невольной «жертвой» ее стала Светлана, но так было нужно, слишком велик был риск.

Перед отлетом из России Владислав «по секрету», когда они остались вдвоем, сказал Светлане, что в Лондоне для них заказаны два билета в Монреаль. Он говорил ей, что обожает Канаду. Но не сказал тогда всей правды. О том, что из Монреаля они тут же отправятся в Сан-Франциско, промолчал.

В Монреале Светлана, ошалевшая от смены часовых поясов и пересадок, узнав, что теперь нужно лететь в США, спросила:

- А из Сан-Франциско – куда? В Шанхай?
- Светик, успокойся, – обезоруживающе улыбнулся Варяг.
- А из Шанхая – куда? – не унималась Светлана. – В Воронеж? У-у-у! Обманщик.

Варяг не случайно решил приобрести дом вблизи Сан-Франциско, уютно расположенный на побережье. Лучшие годы жизни он провел в переполненных камерах деревянных бараков, где целыми днями зэкам приходилось смотреть на стену с проржавевшей колючей проволокой. Теперь хотелось простора. Большой сад его нового жилища напоминал бухту, где он мог не только переждать надвигающийся шторм, но и набраться сил. Раньше, приходя домой, Варяг по-настоящему расслаблялся, гуляя по выложенным камнями дорожкам.

Но вот уже который день его не могли успокоить ни благоухание цветущего сада, ни прохлада бассейна, ни домашний уют, созданный руками Светланы. А тишина и вовсе действовала на него раздражающе. Света ощущала неожиданную перемену в любимом, робко подходила к нему, ласково обнимала, но он всякий раз мягко освобождался от ее объятий.

Варяг чувствовал угрозу.

Опасностью наполнилось все окружающее пространство, казалось, воздух наэлектризован до такой степени, что даже среди ясного неба можно было ожидать сверкания молний. И тогда Света, не выдержав гнетущего напряжения, спросила напрямик:

- Владик, что с тобой происходит? Последнее время ты какой-то... отчужденный.

Варяг долго молчал, глядя в окно.

– Не знаю... Это у меня бывает. Наваждение какое-то. Все будто бы хорошо. Но все-таки что-то не вяжется.

Чувство опасности у Владислава Геннадьевича было развито неимоверно. Оно было сродни инстинкту животного, уловившего в воздухе едва различимый незнакомый запах. Еще

в России Варяга трижды пытались убить, но всякий раз, предупреждая фатальный исход, он успевал опередить убийцу.

Вот и сегодня он вышел из машины буквально за секунду до того, как ее разорвало на части.

Эту черту характера он выработал за долгие годы, проведенные в заключении, когда приходилось быть каждую минуту предельно осторожным. Любое опрометчивое слово, любой неверный жест в камере могли обернуться жестокой расправой, а то и резней.

Мир, в котором ему довелось прожить почти половину своей жизни, оказался очень сложным. А вор такого масштаба, каким являлся Варяг, должен обладать особым чутьем на людей. И на опасность.

Конечно, несколько последних лет сильно отличались от тех, которые он провел в лагерях. Но и в этих условиях Варягу постоянно приходилось быть начеку. Мир вокруг менялся сокрушительно быстро. Менялась и жизнь законных. Держать ситуацию под контролем становилось все сложнее и сложнее. Законники не сидели на одном месте, как это было раньше. Сейчас, в окружении многочисленной свиты, они с удовольствием раскатывали не только по своим владениям, с которых снимали дань, но охотно навевались и к соседям, где подобные встречи напоминали официальные визиты. На этих светских раутах перемалывались косточки смотрящим, создавались новые союзы и даже кроились границы контролируемых ими суверенных территорий. Неудобному положенцу после состоявшегося обмена мнений чаще всего в качестве неприятного сюрприза подкладывали под водительское кресло взрывное устройство, способное разрешить не только любой спорный вопрос, но и избавить от возможного конкурента.

Мир становился все более тесным. Новые российские законники теперь так же легко разъезжали по всему свету, как некогда при «совке» это делала лишь партийная номенклатура. Западная публика удивлялась невиданному доселе размаху русской души. Вдруг выяснилось, что «новые русские» не умеют мыться в бане в отдельных номерах – тесно им там, а потому снимают всю баню целиком. Ужиная или обедая в ресторане, «новые русские» не ограничиваются отдельным столиком, а склонны заказывать сразу весь зал или даже ресторан. Когда русские ребята появляются в каком-либо публичном доме, все девушки знают: грядет потрясающий заработок, и оказывают «новым русским» самый радушный прием.

Живя за границей, Варяг часто был свидетелем того, как иной законный, хлопая швейцара по плечу, давал «на чай» стодолларовую купюру. Обалдевший от такой щедрости швейцар не мог знать о том, что давать на «гостинец» деньги меньшего достоинства среди братвы так же неуместно, как раскатывать по родной столице на стареньком «жигуленке».

Варягу нередко приходилось наблюдать за гуляющими в американском городе русскими законниками. Он ловил себя на том, что испытывает ностальгическую грусть по ушедшим временам. А отдыхающая братва вряд ли могла признать в нем, проходящем мимо элегантно незнакомце, живую легенду воровского мира.

Хотя однажды Варягу все же показалось, что на одной из оживленных улиц Сан-Франциско он выхватил в людской массе чей-то очень знакомый, умный, настороженный взгляд. Поток машин помешал тогда Варягу рассмотреть человека. Но это послужило для него первым сигналом.

В комнату вошла Светлана с подносом и прервала размышления Владислава:

– Владик, вот твоё молоко и бисквит с цукатами, – сказала она с улыбкой, ставя поднос на низенький столик у окна.

Варяг встал с кровати, подошел к столику и опустил в кресло.

– Мне совсем не хочется есть, нет аппетита.

Светлана внимательно посмотрела на мужа.

– Все же что с тобой происходит? Ты опять сегодня стонал во сне... У тебя неприятности? Может, ты нездоров? Я должна знать. В конце концов, я медицинский работник и вижу: ты чем-то сильно обеспокоен и угнетен...

– Не стоит задавать лишних вопросов. Лучше иди ко мне, медицинский работник, я скажу тебе на ушко, что меня тревожит.

– Владик, я серьезно!

– Я тоже. Сынишка спит?

– Да, спит. И все же, скажи мне, что с тобой?

– Что со мной? Просто на сердце у меня одна длинноногая блондинка, и я хочу ее. Хочу ее. Сейчас.

– Как ты можешь, Владик? Я волнуюсь, а ты...

– Медицинский работник Игнатова, ваши препирательства непременно скажутся на моем здоровье, и вы об этом пожалеете!

– Да ну тебя! – засмеялась Светлана, игриво распахивая пеньюар и обнажая красивую грудь и изящный животик. – Я, конечно, слабая женщина, и мне хочется верить, что у тебя все в порядке.

Не отрывая влюбленного взгляда от Владислава, она медленно сняла трусики, сбросила на пол пеньюар и замерла, обнаженная. А он смотрел на ее стройное тело и думал о том, что никогда не покажется женщине скучным и унылым тот, кто хоть что-нибудь делает ради нее – будь это даже самая простенькая комедия. Стой на голове, болтай всякую чепуху, хвастай, как павлин, будь последним дураком или пошляком, но избегай одного – не будь деловит! Не будь рассудочен, тем более в эти минуты.

Светлана подошла к сидящему в кресле Владиславу. Привстав, он стащил с себя халат. Она села к нему на колени, положила ладони на плечи, а ногами обвила его за талию. Поерзав на сиденье, он слегка сполз, а она потерлась ягодицами о густую поросль вокруг его члена. Он стал ласкать ее, обхватил ладонями упругую грудь. Она наклонялась к нему, подставляя его губам набухшие от возбуждения соски, вздрагивала от прикосновения, снова поднималась. Ее пальцы нежно ласкали головку напряженного члена. Потом она погрузила его к себе внутрь, вздрогнув от наслаждения.

Через мгновение их тела совершали плавные волнообразные движения.

– Ты потрясающая, – шептал он, выходя и входя в нее. – Ты чудо!

– Любимый мой! Любимый мой! – повторяла она громким шепотом.

Закусив от удовольствия губку, запрокинув голову, то поднимаясь, то опускаясь над Владиславом, прогибаясь всем телом, Светлана постанывала, всхлипывала, а потом, забывшись, кричала:

– Милый, милый, милый! Сильнее, сильнее! Ну же!..

Ритмические сокращения ее оргазма подвели к пику и его. Он яростно вбивал в нее всего себя. Светлана застонала, содрогнулась, замерла и вдруг расслабилась.

Расслабился и он. И стало спокойно. Мир преобразился. Из раскрытого окна доносились ночные приглушенные звуки. Резко пахло цветами.

Светлана медленно наклонилась к любимому. Долго целовала его губы, шею, грудь. Он обнимал ее сильными руками, целовал, гладил нежную кожу. Потом поднял ее на руки и отнес на кровать.

Они уснули в объятиях друг друга.

Глава 5

Длинный телефонный звонок разорвал ночную тишину и непрошеным гостем ворвался в уютную спальню.

Вот оно! – сквозь сон с тревогой подумал Владислав. Поднял трубку и, стараясь не разбудить Светлану, хриплым голосом тихо произнес:

– Хэлло!

Его плохо скрываемое раздражение эхом отозвалось на другом конце телефонного провода.

– А ты, Варяг, не больно-то ласков. Видать, западный харч тебе не впрок.

– Кто это?!

– Значит, не признал меня? Забыл? А жаль! Я вот тебя частенько вспоминал...

– Что за игра в прятки? Кто это?!

– А такое погоняло, как Артист, тебе ничего не говорит?

– Артист?! – не сумел сдержать изумления Варяг. – Неужели ты здесь?

– А где же мне еще быть? Или ты меня рассчитывал встретить на том свете?

С Артистом Варяг был знаком по малолетке. Задорный, никогда не унывающий, он умел легко очаровывать собеседника, чем не однажды пользовался, когда занимался квартирными кражами. В колонию, где сидел Варяг, он попал после очередного побега, и лагерное начальство, желая наказать строптивого воспитанника, перевело его из «сучьей» зоны в воровскую. Именно этого Артист и добивался, и воровская зона, где сидели его подельники, встретила беглеца как героя.

Артист и вправду был необычный вор. Привлекательный внешне, с мягкими аристократичными чертами лица, с телом, как у античных богов, он был неотразим, а обворожительная улыбка и вкрадчивые манеры действовали сильнейшим гипнозом на его многочисленных подруг. Даже фамилию и имя он имел необыкновенные – Модест Разумовский. Артист неоднократно хвастал тем, что был назван в честь своего прадеда, который будто бы держал в Москве гостиницу «Славянский базар». Он с гордостью утверждал, что в его жилах течет не только благородная кровь польских шляхтичей, но также отъявленного мошенника времен нэпа Котьки Лазаря, сумевшего продать здание губчека заезжему американскому банкиру.

Погоняло Артист к Модесту пристало еще с «сучьей» зоны, когда однажды перед отбоем он пропел монолог Мефистофеля «Люди гибнут за металл», удивив своими вокальными данными не только лагерное начальство, но и собственных приятелей.

– Это у нас наследственное, – скромничал Модест. – Мой прадед, потомственный столбовой дворянин Модест Игнатьевич Разумовский, покровительствовал молоденьким хористкам в императорских театрах, а какой он был ухажер, об этом знали семь ведущих балерин, от которых он имел десять наследников.

Потомившись полгода в колонии, Артист был переведен в воры и занял на малолетке едва ли не самую верхнюю ступень в уголовной иерархии зоны. С воли через него шел грев, который справедливо делился между остальными ворами. Но скоро он ушел «в бега» и этим разочаровал не только «кума», успевшего привязаться к Артисту – как сердобольный папаша к нерадивому ребенку, – но удивил и собственных друзей. Впрочем, Модест любил преподносить сюрпризы и делал это с изыском ревнителя искусства. А изловили его не где-нибудь в глухой «малине» в окружении изящных длинноногих фей, не в ресторане, где он, напившись, мог разодраться с оравой беспредельщиков, а в городской библиотеке, где Модест терпеливо в уюте читального зала «вкручивал мозги» молоденькой первокурснице, рассказывая ей о суровых буднях российской колонии.

Побег из зоны – это всегда событие. А если исчезал такой вор, как Артист, то оно знаменательно вдвойне. Об удачном побеге мгновенно узнает вся тюремная братия, и даже через много лет об этом вспоминают как об исключительном происшествии, обрастающем многими невероятными подробностями. А это значило, что родилась еще одна легенда.

Однако случалось и другое. Лагерное начальство, обозленное на беглеца, делало все, чтобы натравить на него воспитанников – запрещало передачу посылок, лишало свиданий. В таких случаях бывало, что вчерашний герой не только подвергался жестоким побоям, но частенько разделял судьбу самой обиженной касты заключенных.

От беспредела Артиста спасло вмешательство Варяга – к тому времени он уже был авторитетным вором в колонии. И когда к нему явилась делегация воспитанников, чтобы он позволил разобраться с Модестом, Варяг спокойно выслушал крикунов, а потом твердо заявил, что не допустит в «воровских» зонах «сучьих» порядков. А если нечто подобное повторится, то в дальнейшем судьбу беспредельщиков будет решать суд «пацанов».

Артист «уходил в бега» еще четыре раза, и это только прибавляло ему веселости – порой казалось, что он не перестанет улыбаться даже в том случае, если обнаружит во лбу дырку от расплавленного свинца. К его многочисленным побегам привыкло даже лагерное начальство, а на ежедневных поверках, в ответ на его фамилию, остряки выкрикивали:

– Пошел в городскую библиотеку!

После малолетки пути Артиста и Варяга разошлись. Однако Владислав не переставал интересоваться делами Модеста и не удивлялся, когда в своем воровском промысле тот использовал трюки с переодеванием. Однажды он представился агентом известной певицы и, разъезжая по городам, собирал щедрый аванс за предстоящие выступления. В другой раз был таможенным начальником и лихо брал взятки; в третий – налоговым инспектором. Но особенно он любил форму сотрудников милиции и появлялся в ней не только на пустынных дорогах, высматривая дорогие автомобили, – он заявлялся на квартиры к антикварам и преуспевающим бизнесменам.

Поговаривали, что он сумел сколотить приличное состояние, которого хватило бы на несколько воровских жизней. Возможно, поэтому Модест был одним из первых, кто решился съехать на Запад, и даже его мрачноватое прошлое не помешало израильскому посольству широко распахнуть перед ним двери.

– До меня дошли слухи, Модест, что ты сделал обрезание и подался на историческую родину.

– Я тоже о тебе немало знаю, Варяг, но мое обрезание в сравнении с твоим образованием сущий пустяк, – расхохотался Модест собственной шутке. – Впрочем, ты не одного меня удивлял своей сообразительностью.

– Откуда тебе известно обо мне?

– Думаешь, если я разговариваю на иврите, так не бываю на своей многострадальной родине?

– И какие последние новости ты привез с родины?

– Вижу, ты газет не читаешь, Варяг. В России стреляют. И наиболее дальновидные законные давным-давно обзавелись хозяйством на цивилинном Западе.

Разговор затягивался. Варяг посмотрел на Свету. Она, разметавшись, посапывала на просторной кровати и казалась ему особенно привлекательной – нежный румянец, разлившийся во всю щеку, добавлял ей очарования.

– Что ты мне хотел сказать? Модест, думаю, ты позвонил не для того, чтобы пожелать мне спокойной ночи. У нас тут, знаешь, скоро утро.

– Спокойной ночи? О чем ты говоришь? Сейчас в Тель-Авиве светит солнце. Кто бы мог подумать, что своим звонком я побеспокою такого уважаемого господина?

Это было в характере Артиста – он умел не только заболтать, но еще и подсыпать в разговор перца.

Варяг хотел завершить разговор, но, поразмыслив, решил дать возможность Артисту исполнить его сольный номер.

– Кончай базар, Артист.

– Сколько лет я тебя не видел, Варяг, а ты все такой же. Хотя мне говорили, будто бы ты изменился... поменял не только фамилию, но и лицо.

– Что еще ты знаешь?

– Я знаю все, Варяг, – сменил тон Модест. – У меня к тебе долгий разговор.

– Так в чем же дело, слушаю тебя.

– Это не совсем тот случай. Трепаться через океан не в моем стиле. Жди меня завтра, я прибываю утренним рейсом. Помню, помню твое радушие, но встречать не надо, доберусь сам.

– Дорогу найдешь?

– Да уж как-нибудь.

Некоторое время Владислав продолжал сжимать в ладони телефонную трубку. Одно к одному. Вот так, беда никогда не ходит одна, подумал он. Бережно, будто это не кусок пластмассы, а нечто тонкое и хрупкое, положил трубку на рычаг и, обернувшись, увидел, что Светлана не спит.

– Что случилось? – спросила она с тревогой в голосе.

– Все хорошо... Спи!

– Я тебя очень хорошо знаю, Владик! Ты что-то недоговариваешь.

Светлана никогда не вмешивалась в его дела. Она жила своими женскими заботами. Воспитывала двухгодовалого сына. Конечно, о многом догадывалась, но его бизнес был для нее некой заповедной зоной, куда она не имела права ступить. Светлана занималась домом. Она обладала талантом создать уют там, где находилась, и всегда стремилась сделать так, чтобы любимому было легко в ее присутствии, а этот дар Варяг ценил в ней особенно.

Он внимательно посмотрел на Светлану. Неужели она попыталась нарушить негласное табу? Но, не увидев в ее глазах ничего, кроме беспокойства, ласково ответил:

– Нет, все замечательно, просто я получил привет из России... на который не рассчитывал.

– Это твои прежние друзья?

– Да.

– Но как они нашли тебя?

– Не знаю... Не надо больше вопросов, Света, спи, – прошептал Варяг и усыпил ее поцелуем.

А сам, отбросив простыню, лежал в темноте с открытыми глазами, воскрешая в памяти события последних лет.

Глава 6

Владислав довольно быстро освоился в США. Другой бы на его месте годами приносился к новому месту жительства. У Варяга на это не было времени. С первых дней он взялся за дела, и сейчас они шли как нельзя лучше. Фирма, созданная им, процветала, обороты увеличивались. Живи и радуйся. Однако спокойная и размеренная жизнь была не для такого человека, как Варяг. Привычки, приобретенные в молодости в суровых условиях российской колонии, невозможно вытравить ни респектабельностью, ни умными речами, ни роскошью апартаментов, ни дорогими автомобилями. Всматриваясь в довольные, сытые лица своих американских партнеров, ворочающих миллионами долларов, он, старый опытный вор, часто с раздражением думал о том, что пора запустить руку в глубокий карман этих самодовольных гонористых америкашек. Воровская закалка не давала покоя Варягу – он жаждал действий.

Варягу не спалось. Он встал с кровати, подошел к окну и отдернул занавеску. По небу ползли черные тучи, порывистый ветер задирал подошвы деревьям, неподалеку тяжело дышал Тихий океан.

Варяг приоткрыл окно. С берега пахло водорослями. Этот запах напомнил ему юные годы.

Все-таки жизнь – удивительная штука! Помотала его неслабо. Казахстан, Сибирь, Дальний Восток, Магаданская область. И вот на тебе. В конце концов оказался в Сан-Франциско. Красивый город. Собственный особняк в богатом районе, любимая женщина. Отличный бизнес. Мощная силовая структура. Огромные перспективы. Что еще надо?

Варяг оглянулся на спящую Светлану. Ему хорошо с этой женщиной. Можно ли все это назвать счастьем? Видимо, да! Хотя счастье – самая неопределенная и дорогостоящая вещь на свете. Эта мысль принадлежала академику Нестеренко. Да! Егор Сергеевич уникальный человек. Именно он подготовил два года назад их со Светланой отъезд из России.

Варяг опустился в глубокое кресло у окна и закрыл глаза.

Отъезд готовился несколько месяцев. Даже ближайшее окружение не подозревало о его истинных намерениях. С академиком Нестеренко они обсудили все тонкости операции. О многом они тогда говорили. Мысленно он видел Егора Сергеевича, дающего указания своим обычным невозмутимым тоном:

– Владислав, нам нужны положение, власть, расширение влияния. Для этого потребуются деньги, и немалые. В швейцарских банках у нас кое-что есть. И тебе, бизнесмену Игнатову, бывшему ученому и депутату по фамилии Щербатов, мы переведем куда надо приличную сумму.

– А стоит ли, Егор Сергеевич? Может, я лучше на месте кое с кого сниму долги? Там ведь много чего накопилось!

– Это потом. Эти деньги от нас никуда не уйдут, сначала нужно научиться вести бизнес. У американцев есть чему поучиться, и прежде всего как правильно вкладывать деньги, чтобы они работали на полную мощность. А уж потом можно и должников пощипать. Ты посмотри, «новыми русскими» в России стали не те, кто производит, не те, кто вкалывает, мозгами шевелит, чтобы дело организовать, работу дать, а те, кто на нефтяной и газовой трубах «сидят», кто чужие деньги из кармана в карман перекалывают: банкиры всякие, финансисты хреновы. Благодаря инфляции они за минимальное время заработали максимум денег. Только ленивый не заработал на инфляции. На общенародной нефти, на газе. А государственные чиновники погрели руки будь здоров как, в том числе и на производственниках. Н-да!.. Вполне по-русски ведут себя наши нувориши. Вместо производства гоняют деньги из лузы в лузу, затыкают дыры

то тут, то там. Это не наш путь. Это политика одного дня. Мы построим и пустим в ход другую мощную машину. Начнем с малого. Ты создашь в Штатах фирму под названием «Интеркоммодитис». Будем вкладывать деньги прежде всего в экономику, в том числе западную, сегодня нам нельзя замыкаться только на местных национальных рынках, будем торговать и с Западом и с Востоком. Ты обязан заявить о нас масштабами деятельности фирмы, обороты ее должны впечатлять. Имеющиеся у нас сотни и сотни миллионов долларов в твоих руках должны работать на наше общее дело и через год, два, три превратить фирму в мощную империю.

– Егор Сергеевич, раскрытка такого дела в Штатах потребует немалых официальных вложений. Как быть с американской налоговой полицией?

– Не будем мелочиться, ибо все, что можно уладить с помощью денег, как ни парадоксально, обходится дешевле. А потом не забывай: оборот и прибыль – вещи разные. Оборот на слуху, а прибыль в кармане. Приумножение общака – благородное дело.

– Чем должна заниматься фирма конкретно?

– Производство, торговля, то есть все, что продается в количестве. Скажем, металл, лес, нефтепродукты, отходы всевозможные химические и всякие прочие «коммодитис». Автомобили. И прежде всего нужно обратить внимание на производство ширпотреба – вечная тема. Кстати, не только сигареты, но и зубная паста, женские гигиенические прокладки – потрясающий бизнес, я уж не говорю о памперсах и жевательной резинке. – Нестеренко подмигнул Варягу и довольно крякнул.

– Кстати, Егор Сергеевич, а не качнуть ли нам нефти через Прибалтику? Со мной ребята из Риги вели разговоры об этом. Не все же только чиновникам зарабатывать на российских недрах.

– Ну что ж, отличная мысль! Как говорили древние, «сапиенти сат», что означает: «умному достаточно», – улыбнулся Нестеренко. – Ты очень умный, Владик.

– Простите, Егор Сергеевич, но «очень» и «самых» умных не бывает. Это дураки встречаются разных уровней и на любой вкус. Ум, как деньги, либо есть, либо нет.

– Ну-ну!

– Между прочим, Егор Сергеевич, получается, нам придется нарушать основной воровской принцип «не работать»?

– Принципы, мой друг, как раз и существуют для того, чтобы их нарушать, а то какое же от принципов удовольствие. – Академик потрепал Варяга по плечу. – Мы, к твоему сведению, наладим систему «финансы – сырье – товар – финансы». Смекаешь? Ведь никто из братвы до этого еще не додумался. Эти лохи все пытаются заработать деньги топорными методами, в лоб, а мы с тобой будем заниматься высоким искусством. Из российского, заметь, сырья делаем готовую продукцию. Продаем ее. Накапливаем капиталы. Дальше покупаем акции, скажем, металлургических и прочих алюминиевых комбинатов, к примеру, в Сибири, при этом обеспечивая там работой и зарплатой работяг. Это всенепременно должно свести нас с руководителями регионов и государства. Мощные деловые связи, как говорится, не во вред здоровью. Как сказал один мой знакомый: «Все должны делиться, и чиновники в том числе».

– Должны, это верно. Но, кажется, не всегда делятся?

– Делятся, делятся. Особенно когда берешь кого-нибудь за горло. Тогда все идет как по маслу.

– С этим я согласен.

– Вот именно! Пошли дальше. Ты, конечно, понимаешь, Владик, одному тебе там не справиться. Ни один крупный бизнесмен никогда не работает в одиночку, всегда в упряжке. Ты будешь коренник, а уж пристяжных я тебе подберу – будь уверен! Но ты с ними обязан считаться, как со мной, а иначе возок опрокинется. «Интеркоммодитис» – это монстр. Филиалы «Интеркоммодитис» появятся везде: в Бостоне, в Лос-Анджелесе, в Майами, в Нью-Йорке. Словом, ты будешь управлять всем, что делается по нашей схеме, и в центре, и на обоих побе-

режьях США. Главное – не робей! Америка – страна оптимистов. Пора и нам, русским, стать оптимистами. Устанавливай связи, крепи ряды. Там много наших соотечественников, которые с удовольствием пойдут к тебе на любую работу, поскольку погибают от скуки и безысходности.

– Согласен с вами. Наши ребята предпочитают умереть на чужбине от тоски по родине, чем от злости у себя дома.

– Варяг, ты становишься философом!

– Егор Сергеевич, каков учитель, таков и ученик.

Глава 7

Этот разговор Варяг вспоминал неоднократно, живя в Сан-Франциско. Он не переставал удивляться проницательности Нестеренко. Старик ни в чем не ошибся. Все эти два года в США Варяг жил по тому плану, какой перед его отъездом из России они наметили с Егором Сергеевичем. Отъезд готовился основательно и держался в большом секрете. Именно тогда Егор Сергеевич посоветовал Владиславу поселиться в Сан-Франциско, купить дом, где не только легче скрывать личную жизнь, но и удобно проводить деловые встречи.

По прибытии в Сан-Франциско Варяг буквально через неделю отправился в российско-американское предприятие по продаже компьютеров. Этот адрес ему дал Нестеренко и рассказал, что фирму возглавляет человек по имени Евгений Райшель, разыскиваемый Интерполом. О его сомнительных подвигах мало кто знал. В России он сумел, обжегоров миллионы вкладчиков, прикарманить колоссальные деньги одного из банков. Из Англии по подложным документам вывез бриллианты на сумму около десяти миллионов долларов. А в Италии, выдав себя за американского бизнесмена, с помощью сицилийских друзей получил кредит на двадцать пять миллионов долларов, возвращать который, конечно, не входило в планы мистера Райшеля. И это был далеко не полный перечень всех его афер.

Варягу достаточно было напомнить лишь некоторые яркие страницы из биографии удачливого предпринимателя, чтобы тот без разговоров перевел на счет доверенного лица бизнесмена Игнатова восемь миллионов долларов. Это была первая акция Варяга в США. Вслед за ней последовала череда других, принесших немалые деньги, кроме тех, что приходили из Швейцарии от Нестеренко. Этого было более чем достаточно для первых финансовых и коммерческих операций фирмы «Интеркоммодитис».

Параллельно с этим через доверенных лиц Варяг стал устанавливать связи с соотечественниками, проживающими в США.

Первым делом он вышел на тех русских, кто сумел бежать в Америку еще в брежневские времена. За это время они успели не только выучить английский язык, но и прочно закрепились на заокеанской земле. Многие обзавелись недвижимостью, стали весьма уважаемыми людьми и даже открыли собственное дело. Они хорошо помнили, как тяжело им давались первые шаги в Америке. Кто-то повкалывал посудомойщиком, кто-то таксистом; кому-то случалось разбирать мусор на городских свалках; были такие, кто несколько лет работал официантом или вышибалой в дешевых, замызганных ресторанчиках.

Среди эмигрантов этой волны некоторые представляли для Варяга особый интерес, поскольку работали в солидных компаниях и банках и имели доступ к информации о вкладчиках, среди которых были люди, чьи накопления вызвали бы немало вопросов у налоговой полиции. За небольшую плату Варяг скупал чужие тайны, зная, что в ближайшее время использует их сполна.

В восьмидесятые годы в США выехало из России огромное количество эмигрантов следующей волны. Многие были злы и обездолены. Эти соглашались работать за гнутый пятак и, не стесняясь, искали могущественных покровителей, чтобы не затеряться соринкой в чужом мире. Немало было и таких, которые не умели работать вообще, а если что-то и делали на родине, так это вертели наперстки на вокзалах, обыгрывали доверчивых сограждан в карты в поездах дальнего следования. Много было среди них спортсменов, не нашедших должного признания на родной земле.

Этот контингент интересовал Варяга особенно. Их он видел в первых рядах своей нарождающейся армии, которая должна была скоро дать бой заевшимся американским мафиози. Бедность – это хороший стимул для движения вперед.

Через русскую общину в США Варягу не составляло большого труда выяснить, что среди эмигрантов этой волны немало таких, кто прошел через жернова российских зон. И это несмотря на, казалось бы, предельно жесткий отбор иммигрантов. Но деньги – великая вещь. Любые следы можно замести банкнотами. В этом Варяг убедился лишний раз. Чиновники Службы иммиграции и натурализации США, как выяснилось, допускали многочисленные злоупотребления, предоставляя американское гражданство кому попало, в том числе и бывшим, и даже беглым заключенным из России.

Дороги, по которым в Америку стекались блатные, были самые разные: одни сумели остаться по гостевой визе, другие приезжали из Израиля, третьи – из Западной Европы. Были и такие, кто сумел добиться политического убежища. Эти проходили в иммиграционном отделе как лица, пострадавшие от коммунистического режима. Кто-то женился и стал полноправным членом американского общества. Сам Варяг получил вид на жительство как коммерсант, обладающий существенным капиталом.

Именно на бывших эков Варяг собирался опереться в первую очередь и поэтому внимательно изучал их послужной список. Эти люди выделялись из толпы других новых американцев русского происхождения своими повадками, жесткими, настороженными взглядами и множеством наколок. Вся русскоговорящая Америка называла их «синими». Варяг стал брать «синюю» братию под свою опеку. Через доверенных лиц ему удавалось устраивать их на работу в бары и ночные клубы вышибалами и сторожами. Вчерашние эки с удовольствием принимали помощь и становились новобранцами. Конечно, этих горе-бойцов необходимо было научить многим премудростям ведения боя и защиты. В этом направлении предпринимались важные шаги.

Был куплен участок земли, где люди, действующие от имени Варяга, открыли тренировочную базу службы безопасности, заручившись сертификатом Международной контртеррористической тренинговой ассоциации. Здесь будущие бойцы обязаны были научиться не только палить из всех видов стрелкового оружия, но и знать сильные и слабые стороны каждого из них. Особая роль отводилась мастерству ведения ближнего боя. Умению работать с новейшей электроникой, будь то подслушивающие устройства или телефоны с закладкой, уделялось особое внимание. И самое главное, а возможно, и наиболее трудное заключалось в психологической закалке бойца. Каждый обязан был поверить в собственную непобедимость. Здесь, на базе, им пришлось овладевать и искусством лицедейства – даже самые близкие люди не должны были распознать по выражению их лиц подлинные чувства.

В отличие от китайских и итальянских мафиози, обитавших в тесных кварталах, Варяг считал целесообразным расселить своих бойцов по всему городу – создавалось впечатление, будто количество русских увеличилось втрое. Пусть местные мафиози постоянно чувствуют на себе прессинг – это главное условие психологического давления. Разброс по городу не мешал бойцам собираться в считанные минуты – мобильные телефоны были таким же неотъемлемым атрибутом русских, как и скорострельные пистолеты.

Во многих крупных городах США стали действовать такие бригады, любовно называемые Варягом «филиалами». Их возглавляли эки с опытом организаторской работы – многие в России были в статусе положенцев и смотрящих. Филиалы, насчитывающие сотни человек, делились на небольшие группы.

В бригадах был введен принцип беспрекословного повиновения младших бойцов старшим, непослушание расценивалось как предательство, отступника чаще всего ждала смерть. Обязательным условием являлась строжайшая конспирация.

Законопослушные американцы не подозревали о том, что обходительный и любезный швейцар шикарного ресторана в недалеком прошлом был отцом тюремной семьи и в промежутках между отсидками потрошил квартиры богатых российских сограждан, а ныне состоял наемным бойцом в крепнущей армии, возглавляемой вором в законе по кличке Варяг.

Спустя год пришла пора продемонстрировать свои возможности. Варяг тщательно изучал повадки боевиков в итальянском и китайском кварталах и пришел к выводу, что перевес сил на его стороне. А если учесть, что многие из его бойцов учились стрелять в свое время не в городских тирах, а едва ли не во всех «горячих точках» развалившегося Советского Союза, то преимущество тем более становилось очевидным.

Глава 8

Ночные клубы Западного побережья, контролировавшиеся сицилийцами, представляли для Варяга особый интерес. Даже по самым скромным подсчетам, ежедневная выручка от этого бизнеса составляла сотни тысяч долларов. За пополнение общака валютой из новых источников следовало побороться.

Во главе корпорации стоял дон Альберто Монтиссори, один из самых богатых и влиятельных мафиози Америки. Состояние его семьи исчислялось миллиардами долларов.

Несколько последних недель Варяг лично наблюдал за доном Альберто. Прослушивал телефонные разговоры, изучал досье. Перечитал все газетные публикации о нем. Журналисты любили писать о Монтиссори. Правда, эта информация чаще носила односторонний, льстивый характер. Скоро Варяг знал о Монтиссори все: круг знакомств, сферу деловых интересов, хобби, маленькие слабости и даже любимое блюдо дона. Он мог узнать в лицо всех его телохранителей, членов семьи и даже любовниц. Услышав о том, как жестоко расправился Монтиссори с провинившимися служащими одного из ресторанов, Варяг лишний раз убедился, что ему придется иметь дело с властным и сильным человеком. Такие люди практически ничего не боятся, и если их чем-то и можно поразить, так это еще большей жестокостью и невиданной наглостью.

Через некоторое время Варяг в деталях представлял не только распорядок дня дона, но и его привычки. К примеру, Монтиссори никогда не надевал головные уборы, но всегда носил лакированные штиблеты на тонкой подошве, даже в проливной дождь. Он обожал оперу, любил исполнять арии и частенько в кругу приятелей выводил рулады, обижаясь, если аплодисменты оказывались не очень продолжительными.

Пришло время, и Варяг лично набрал номер крестного отца итальянской мафии. Прямой телефон Монтиссори знали немногие, только самые близкие к нему люди.

– Алло, Монтиссори слушает, – раздался мягкий баритон сицилийского дона.

– Мистер Монтиссори, хочу заметить, у вас приятный голос. Вы случайно не поете в опере? – сказал Варяг и улыбнулся.

– С кем это я говорю? – недружелюбно отозвался дон Монтиссори.

– Вас беспокоят коллеги по бизнесу.

– Коллеги по бизнесу? – пропел Монтиссори, будто исполнял ариетту. – О каком бизнесе вы говорите, уважаемый?

Варягу показалось, что голос дона прозвучал на сей раз почти ласково.

– Об игорном, мистер Монтиссори. Всего лишь об игорном бизнесе.

– О каком еще игорном бизнесе? – вновь не скрыл раздражения дон Монтиссори.

– Слушайте меня внимательно, – спокойно сказал Варяг. – Нам известно, что непосредственно под вашим присмотром находятся игорные и публичные дома Сан-Франциско и Лос-Анджелеса.

– Что вы хотите этим сказать?!

– Лишь то, уважаемый коллега, что ваш доход только от подпольных публичных домов Сан-Франциско ежедневно составляет около десятка миллионов долларов. Это очень хорошие деньги!..

– Я говорю с сумасшедшим.

– Вы так считаете? Уважаемый, может, вы хотите спросить, откуда мне это известно? Что ж, извольте. Прежде чем позвонить вам, пришлось проделать большую работу. И признаюсь вам, эта информация обошлась мне в кругленькую сумму и далась нелегко. Должен сказать, я получил огромное удовлетворение: работа оказалась интересной. Что-то подобное я испытывал в школе, изучая «Историю родного отечества».

– Что вы от меня хотите? Если это шантаж, так у вас ничего не выйдет... уверяю вас!

– Ну что вы, какой шантаж. Просто я хочу быть вашим компаньоном.

– Что?!

– Поверьте, для вас это будет весьма выгодное сотрудничество. И обойдется значительно дешевле, чем отказ.

– А вы наглец, – пропел Монтиссори после небольшой паузы.

– Вы преувеличиваете, дорогой коллега. Если мы не подружимся, то я покажу, что такое настоящая наглость.

– Вот как! Ну что же, если я не бросаю трубку, то только из любопытства. Мне не терпится узнать, с кем я разговариваю и кто этот неосторожный человек, позволивший так неостроумно шутить со мной. Вы, должно быть, не подозреваете о том, что эта шутка может закончиться для вас весьма печально.

– Я ценю ваше чувство юмора, но я никогда не был так серьезен, как сейчас, мистер Монтиссори. Мы с вами деловые люди, и по пустякам я не стал бы тревожить такого уважаемого человека, каким являетесь вы.

– И все же с кем я разговариваю, черт возьми?!

– Вы нервничаете, мистер Монтиссори. Разве деловой разговор следует начинать ссорой? Нам ведь еще предстоит обговорить условия партнерства, а это требует хладнокровия и выдержки.

– Вы не ответили на мой вопрос!

– Да, да. Прошу прощения, что не представился сразу. А беспокоят вас бедные русские эмигранты, которые давно и ревностно следят за вашими успехами. Организации, подобные нашей, на Американском континенте, кажется, называют мафией.

– Русская мафия? В Америке?! Вы меня хотите рассмешить, теперь я убедился, что имею дело с шутком. – В голосе сицилийского дона послышались язвительные нотки. – Я знаю китайскую мафию, наслышан о колумбийской, но о русской слышу впервые. Ха-ха-ха! Любезнейший, а вы не пробовали выступать в цирке? Гарантирую вам полный успех. Публика будет в восторге! – Голос Монтиссори звучал уверенно.

– Не имею желаний вас разубеждать. Надеюсь, что хотя бы о такой стране, как Россия, вы слышали? Или с географией вы тоже не в ладах? Думаю, у нас с вами еще найдется время, чтобы побеседовать, как следует изучить этот увлекательный предмет. А сейчас я бы хотел пожелать вам приятного аппетита. Кажется, сегодня вы обедаете в обществе конгрессмена Корда?..

Варягу приятна была образовавшаяся пауза.

– Что вы опять замолчали, мистер Монтиссори? Может быть, вы меня не расслышали?

Это был сильный и точный удар. Варяг представил, как тучное тело дона Монтиссори откинулось на спинку кресла.

– Слышу я вас хорошо, только не нужно трепать по телефону имена всеми уважаемых людей, – постарался смягчить тон Монтиссори.

Он понял, что его собеседник знает гораздо больше, иначе не имело смысла произносить имя конгрессмена. Возможно, это не единственный козырь русского мафиози.

– Вы молчите, дон Монтиссори?! Или это мне показалось? Хотя я вас понимаю.

Обладая абсолютным слухом, Монтиссори пытался уловить в голосе русского хотя бы малейшую фальшь. Но речь собеседника была точна и взвешенна. Так разговаривать мог только весьма уверенный в себе человек.

Конечно, он слышал о русской мафии, о кровавом беспределе в далекой, загадочной России. Но чтобы русские осмелились сунуться в Америку? И тем более в сердце его, Монтиссори, бизнеса? Это уже слишком.

– Мне нужно подумать, – сказал Монтиссори.

– Это нам тоже понятно, – ответил Варяг и добавил: – А чтобы вам лучше думалось, завтра я передам вам привет.

Монтиссори хотел было договориться о встрече, чтобы с глазу на глаз оценить, что представляет собой русский нахал, но услышал короткие и резкие гудки.

Иметь своих людей в конгрессе считала делом чести каждая мафиозная структура. На подкуп конгрессменов и на их продвижение крестные отцы денег не жалели.

Имел своих людей в конгрессе и Монтиссори. Это было одно из главных завоеваний сицилийского дона. Более других он ценил конгрессмена Корда, старейшего члена Палаты представителей. Корда имел огромное влияние не только в своем штате. Острый на язык, он язвительно и с удовольствием поругивал нынешнюю администрацию, и многие газеты не без злорадства цитировали его. Никто не мог предположить, что красноречивые выступления конгрессмена не что иное, как продукт долгих размышлений мистера Монтиссори. Дон через послушного члена Палаты представителей протаскивал многие предложения, позволяющие крепнуть его полуподпольному бизнесу. Сеть игорных домов с тех пор, как Корда приобрел в конгрессе вес, увеличилась вдвое, а всякого рода притонов было куда больше, чем ресторанов и кафе. Со стороны могло показаться, что все мужское население Тихоокеанского побережья только тем и занималось, что просаживало деньги в рулетку и до утра пропадало в увеселительных заведениях.

Многие из клана Монтиссори знали о его слабости: прежде чем распахнуть перед страждущими утех двери очередного злочного заведения, он лично дегустировал едва ли не все напитки в баре, а потом вместе с приглянувшейся красоткой отправлялся опробовать роскошную кровать в шикарном люксе.

Многим был памятен случай, происшедший с Альберто Монтиссори во время открытия одного из престижнейших ночных клубов «Глаза Джоконды», над проектом которого трудились лучшие дизайнеры Калифорнии. Дон с интересом осмотрел комнаты, выдержанные в стиле эпохи Возрождения, и нашел, что лучше придумать невозможно. Особенно ему понравились кровати. По заверениям дизайнеров, они были точной копией кроватей итальянских королей. И конечно, дон Монтиссори устоять не мог. Он удалился в одну из комнат вместе с красивой танцовщицей Лили, а охрана, оставшись за дверями, не без усмешек прислушивалась к сладострастным стонам босса и его подружки. Через полчаса пышное ложе не выдержало нагрузки – ножки надломились. Услышав шум и крики, охрана решила, что на босса совершено покушение, и, выхватив оружие, ворвалась в комнату. Дон Монтиссори и красотка Лили валялись рядом со сломанной кроватью, как говорится, в чем мама родила. Дон Монтиссори пришел в ярость. Набросив халат, он помчался в кабинет администратора клуба. Отвесив оплеуху директору, он тут же уволил его, точнее – навсегда выбросил из бизнеса.

С тех пор администрация клубов с великой тщательностью лично проверяла прочность каждой новой партии мебели.

Дон Монтиссори дорожил конгрессменом Корда. За небольшой процент, отчисляемый от каждого выполненного дела, тот воплощал в жизнь самые сложные проекты. С его помощью дону удалось доставить в США больше тысячи русских девушек, которые за мизерную плату работали стриптизерками в дорогих клубах. Конгрессмен обладал даром находить союзников, а если партнер оказывался несговорчивым, в дело вступали бойцы дона Монтиссори. Они, не тратя лишних слов, доводили до сознания упрямого банальную истину, что здоровье и богатство куда лучше небытия.

На многих политиков и влиятельных лиц дон Монтиссори имел досье, где педантично отмечались не только их сильные стороны, но и человеческие слабости – страсть к выпивке, алчность, чревоугодие, любовь к женщинам, склонность к гомосексуализму, пристрастие к наркотикам. Он старался не упустить ни малейшего штриха в характере возможного оппо-

нента, всегда помня о том, что когда-нибудь это может пригодиться. Порой Монтиссори не без гордости заявлял, что политики, подобно слепым щенкам, охотно кормятся из его рук, и нет для них большей радости, как получить к Рождеству объемистый конверт, туго набитый стодолларовыми купюрами.

Корда являлся проводником идей честолюбивого Монтиссори. А планы у Монтиссори были гигантскими. Требовалось потеснить китайскую общину, которая последнее время чрезмерно разрослась и настаивала на увеличении доли в совместных проектах. Китайские рестораны, разбросанные по всему побережью, начинали раздражать Монтиссори. Он стал думать о том, а не построить ли на их месте недорогие пиццерии. Тогда уж точно не придется делиться с китайцами возрастающими доходами. Без помощи всемогущего Корда здесь не обойтись, а потому всякое ущемление интересов конгрессмена Монтиссори воспринимал как попытку залезть в собственный карман. И уж конечно, в его планы не входило делиться накопленным состоянием с кем-то еще.

Глава 9

После разговора с Монтиссори Варяг вызвал к себе Сивого. Моложавый мужчина лет тридцати пяти, невысокого роста, худощавый, юркий, он напоминал резвую борзую. Звали его Севастьянов Назар Петрович. В США он приехал пять лет назад в качестве мужа молодой студентки из Сан-Франциско. Девушка проходила стажировку в Москве, где и повстречала своего суженого. Севастьянов вызвал ее интерес к себе смелыми рассказами о советской действительности и несмелыми ухаживаниями, которые тем не менее порой перерастали в настойчивую атаку. Союз жиреющего Запада и нищей России оказался непродолжительным. Через полгода супруги освободили себя от обоюдных упреков, подав заявление на расторжение брака. Два года Сивый пытался найти приличную работу, но тщетно. Официант в дешевом ресторанчике – это было все, на что он мог рассчитывать.

Приходя куда-либо наниматься, он без стеснения рассказывал о том, что в Союзе служил в одном из секретнейших подразделений КГБ, аналогов которому не существовало во всей России, и что основная его специальность – пиротехника. Сивый пытался объяснить улыбки американцам, что таких профессионалов, как он, едва ли можно отыскать хотя бы с десяток на территории бывшего Советского Союза. Он пояснял, что умеет не только взрывать, но и обезвреживать мины с самыми сложными устройствами, с дьявольскими секретами и ловушками. Но чиновники американских спецслужб кривились и уверяли, что его знания для анти-террористических подразделений представляют такой же интерес, как для обывателя торнадо в соседнем штате. И когда Сивый уже не надеялся отыскать работу по специальности и готов был смириться и тянуть лямку в белом переднике посудомойщика, неожиданно в его судьбе вновь появился Варяг.

Господин Игнатов отыскал Сивого в тенистом парке с высокими и стройными кипарисами, напоминавшими солдат на карауле.

Подойдя к Сивому, присел рядом на скамеечку, а потом спросил по-русски:

– Закурить желаете?

За три года, проведенные в Америке, Сивый успел отвыкнуть от русской речи, и сейчас эти слова показались ему сладкоголосой песней.

Он изучающе посмотрел на незнакомца. Моложав. Красив. Элегантный костюм стоит ровно столько, сколько рядовой американец зарабатывает в течение месяца. Кто он? Предприниматель? Богатый бездельник? Или, может быть, агент российских спецслужб?

Сивый протянул два пальца.

– Не откажусь.

Задымили молча. Аромат крепких сигарет кружил голову. Хорошо! Послать бы все заботы к черту и сидеть бы вот так на этой скамеечке неделю-другую.

– Ну как, Назар Петрович, трудно сегодня с работой?

Услышав собственное имя и отчество, Сивый покосился на соседа и решил не удивляться. Разведка! Очевидно, спецслужбы следят за ним уже не один день, и, возможно, не без их участия ему никак не удастся устроиться даже вышибалой в плохонький бар. Видимо, он все же болтал лишнее.

– Трудно, – ответил Сивый сдавленно и выдохнул горечь жизненных неурядиц вместе с упругой струйкой дыма.

Но незнакомец, похоже, был расположен к долгому разговору. Он закинул ногу на ногу, расстегнул на пиджаке единственную пуговицу, а потом все так же с ленцой поинтересовался:

– Что же это американские спецслужбы не ценят такого профессионала? Неужели не знают, что таких уникальных специалистов, как вы, Назар Петрович, едва ли наберется во всем мире два десятка?

Подобная осведомленность начала раздражать Сивого, и, выдержав паузу, он ответил, едва разжимая зубы:

– Видно, не знают.

– Такие профи, как вы, Назар Петрович, должны заколачивать здесь десять штук в месяц. Не менее.

– Послушайте, неужели у ФСБ больше нет никаких других дел? Я уже давно оставил военную службу и уехал на Запад по официальным каналам, выждав, между прочим, положенный срок.

Но незнакомец по-прежнему оставался благодушным и, кажется, не собирался реагировать на прорвавшееся раздражение. Он затягивался пахучим дымом, будто не существовало более приятного занятия, чем поглощение никотина.

– Вы меня не за того приняли. Впрочем, это и неудивительно. Действительно, вы обо мне не знаете ничего, я же о вас знаю очень много. Например, то, что в свое время вы пристреливали ружья для биатлонистов сборной России, потом сами неплохо выступали на международных соревнованиях по стрельбе. Еще вы налаживали выпуск первоклассных ружей, из которых были убиты такие воровские авторитеты, как Колун и Гордый. Вас привлекали в качестве эксперта оружия различные криминальные группировки.

– С чего вы это взяли? – огрызнулся Сивый. – По-моему, вы выдаете желаемое за действительное или же меня с кем-то путаете. Я – пиротехник, к вашему сведению. То есть моя специальность – это изготовление горючих, осветительных и зажигательных механических смесей. Первоклассные ружья – не по моей части.

Владислав Геннадьевич выдержал паузу и продолжил:

– А еще мне известно, что вы проходили свидетелем по делу об исчезновении нескольких десятков новейших «АКМ» из армейских складов. Хотя у меня имеются данные, что именно вы являлись инициатором этой кражи, а на вырученные деньги уехали за океан.

Сивый внимательно посмотрел на незнакомца. Разговор принял острый характер. О том, что он был связан с ворами в законе, знал весьма ограниченный круг лиц, а о том, что через его руки прошли десятки неучтенных стволов и что он был экспертом оружия, знал единственный человек – Варяг! Но его уже давно нет в живых, иначе он бы отыскивал повод, чтобы побеспокоить его.

Впервые Сивый увидел Варяга в Москве лет десять назад. Возможно, их встреча была предопределена судьбой. Севастьянов тогда мыкался на нищенском лейтенантском жалованье и, решив слегка укрепить свой бюджет, а заодно рассчитаться со всеми долгами, выкрал из тира детали пистолета-пулемета, после чего собрал винтовку с оптическим прицелом. Получился весьма неплохой образец. Тогда он даже и не подозревал, что тонкая работа в подгонке деталей ничто по сравнению с реализацией готового товара. Он предлагал винтовку близким приятелям, даже малознакомым людям, но многие от этого предложения впадали в панику. Он предлагал и взрывчатку, и тоже безрезультатно. А потом неожиданно вечером ему нанес визит мужчина в строгом дорогом костюме.

– Вы Севастьянов?

– Да, Севастьянов – это я.

– Я беру твою винтовку, – объявил визитер без всяких преамбул. – Вот тебе деньги на первые полгода. Мне сказали, что это классная работа. Сделаешь еще три такие же – получишь в пять раз больше.

И он бросил на стол пачку банкнот.

– С кем я говорю? – робко спросил Сивый, не решаясь прикоснуться к деньгам.

– Знать тебе это пока не обязательно, – твердо произнес незнакомец и направился к выходу. – Я сам тебя найду, когда понадобится.

– А как же винтовка?

Покупатель улыбнулся его наивности.

– Приготовь ее, за ней придут через час. И еще вот что... так, как действовал ты, мог поступать либо дилетант, либо... провокатор. Не беспокойся, мы навели о тебе справки. Теперь товар будешь предлагать только мне!

И он ушел, не попрощавшись.

Позже Сивому стало известно, что его постоянным клиентом стал законный вор по кличке Варяг. За работу Варяг платил щедро. Пару раз он просил начинить взрывчаткой радио-приемники. Один велел замкнуть на «Маяк», другой – на «Европу плюс». Беспредельщик Фикстула из Бескудникова обожал легкую музыку и распрощался с жизнью «под фанфары» сразу, как только выехал из гаража на своей «Ладе». Владелец ресторана «Пятью пять» в сосновом бору по Волоколамке любил быть в курсе событий в стране и за рубежом, но не любил делиться с ближним, за это и поплатился ровно в полдень – примчался на «Чероки» к своему ресторану и, не выходя из машины, очень громко включил радиоприемник.

Неужели все это Варяг растрезвонил?

Назар Севастьянов почувствовал некоторое разочарование. Он всегда считал, что Варягу можно доверять. Но, видимо, что-то произошло. А может, прежде чем отправиться в лучший мир, законный вор передоверил его тайну кому-то третьему. И, возможно, этот третий сидит рядом. А что, если это шантаж? А вдруг на его след вышел Интерпол?

Сивый старался не показывать беспокойства, лихорадочно перебирая в уме возможные варианты прокола.

– Если вы думаете, будто можете использовать меня в своих целях, то, смею вас заверить, вы сильно заблуждаетесь. А ваши рассказы в России, вероятно, и представили бы какой-нибудь интерес, но здесь они никого не интересуют. Запад живет по своим правилам, и его волнуют только собственные проблемы. Впрочем, мы достаточно побеседовали, мне нужно идти.

Севастьянов сильным щелчком стряхнул с колен пепел и брезгливо швырнул окурок.

– Прошу вас остаться.

В голосе незнакомца послышался металл, заставивший Сивого отказаться от поспешного решения.

– Не знаю, как вам, но мне этот никчемный разговор изрядно поднадоел, я не люблю играть в жмурки, – сказал Назар с расстановкой и поднялся.

– Сивый, ты меня не узнаешь?

Севастьянов никак не ожидал услышать свое погоняло за много тысяч километров от России. Впервые так назвал его Варяг, а впоследствии эта кличка прилипла к нему так же крепко, как потная рубаха к телу.

У Сивого возникло ощущение, будто он где-то видел этого человека, вот только никак не мог припомнить, где именно. Глаза... Внимательные и умные. Такие знакомые... И тут его осенила невероятная догадка:

– Этого не может быть... Варяг?! Неужели ты?

– Он самый. Вижу, не только напугал тебя, но еще и удивил.

– Боже ты мой, я думал, тебя давно уже нет в живых! Если бы ты знал, как часто я тебя вспоминал. Тебя просто не узнать! Что стало с твоим лицом? Сделал пластическую операцию?

– Да. Так было нужно.

– Но почему ты так долго не давал знать о себе?

Варяг улыбнулся.

– Раньше ты задавал меньше вопросов. Впрочем, как-нибудь расскажу, это долгая история и отдельный разговор. Я ведь тоже тебя не забыл и всегда держал в пределах видимости. Ты мне нужен.

– Здесь, в Америке, я ничего не значу.

– Это тебе так кажется. Сейчас ты мне нужен именно в Америке.

– Что я должен делать?

– То, что у тебя получается лучше всего. Взрывать! Наберешь толковых ребят и обучишь их. Работы будет много. Ты готов?

– Готов. – Возьми подъемные иними приличную квартиру где-нибудь в центре. – И Варяг положил перед Сивым небольшой тугой пакет. – Не жить же тебе все время в ночлежке!

Сивый улыбнулся, но обидеться не посмел. Варяг оставался прежним – он знал даже об этом.

– Не удивляйся, Сивый. Я о тебе знаю все. Если что, найдешь меня по этому телефону. – Варяг достал из кармана визитку и протянул Сивому. – Там указана моя новая фамилия. А теперь мне нужно идти.

Владислав поднялся и, не оглядываясь, пошел по аллее к выходу из парка.

Глава 10

На зов Владислава Геннадьевича Сивый явился незамедлительно.

Сивый был едва ли не единственным человеком, кому было известно настоящее и прошлое Варяга, и пользовался безграничным доверием с его стороны. Варяг старался не раскрывать своего истинного лица и всегда действовал через Сивого. Многие боевики всерьез считали, что именно Сивый является главой русской мафии в Америке.

А имидж мистера Игнатова выглядел как нельзя лучше. Владислав тесно сотрудничал с российскими бизнесменами. Фирма «Интеркоммодитис» развивалась, открывая свои филиалы не только в США и Европе, но и в России. Обороты ее росли, прибыль тоже. Люди, управляющие фирмой на местах, были толковыми, исполнительными и надежными. Их подбирал для Варяга Нестеренко. Пристяжные, как их называл академик, тянули дело. А сотрудники «Интеркоммодитис» даже не могли предположить, что их преуспевающий русский босс только во вторую очередь глава фирмы, а что главное его поле деятельности – приумножение российского общака.

Партнеры по бизнесу непременно удивлялись его безупречному английскому – им и в голову не приходило, что мистер Игнатов, в совершенстве владеющий несколькими европейскими языками, умеет изъясняться на воровском жаргоне и что в далекой России он был известным вором, при упоминании о котором блатные уважительно понижали голос. Они не догадывались, что таланты его универсальны и миллионные сделки для него так же естественны, как выколачивание долгов с предпринимателей.

Создав боевую дружину и поставив во главе ее Сивого, Варяг начал с того, что обложил данью русских бизнесменов, успевших пустить в США корни и удачно разворачивавших свои дела.

Это был всего лишь первый шаг на пути накопления капитала.

Конечно, делать бизнес в Америке не означает быть свободным от местных законов.

Почти третья часть прибыли «Интеркоммодитис» на первых порах уходила на содержание полиции и работу с налоговыми органами. Варяг не без сожаления иногда думал о том, что в России эта сумма была бы значительно скромнее. Там эта публика из налоговых сфер продается пока что за тридцать сребреников.

Красный «Порше» подкатил к вилле Варяга неслышно. Сивый заглушил мотор и ступил на тротуар. Он знал, что камеры наблюдения фиксируют каждый его шаг, что, как только он приблизится к воротам, маленькая дверь рядом откроется и впустит его в просторный, с роскошными цветниками двор. Сивый сам их устанавливал. Он считал, что у Варяга под рукой всегда должен находиться пульт управления, с помощью которого можно не только захлопнуть дверь перед непрошеными гостями, но и в случае необходимости загородить им дорогу пулеметным огнем.

Варяг старался не выделяться и жил так, как подобает человеку его уровня, – имел на побережье виллу, деловую, прекрасно меблированную квартиру в городе и еще два скромных представительских дома на Восточном побережье.

Единственное, что его отличало от коллег, – он не держал у себя прислугу. В этом его желание совпало с просьбой Светланы. Со всем хозяйством она справлялась сама. И Сивый не однажды удивлялся, как это ей удается держать в идеальном порядке большой дом и сад. Значительную часть времени у Светланы отнимал розарий. Это была ее гордость, к которой она относилась так же заботливо, как и к собственному малышу.

По узенькой, выложенной красной плиткой дорожке Назар подошел к парадной двери и, повернув ручку, вошел в просторную светлую гостиную.

Варяг, удобно расположившийся в мягком уютном кресле, казался совсем домашним – сейчас его невозможно было представить в тюремной робе на нарах. Это был совсем другой человек. Элегантный, гладко выбритый, он внушал почтение. Варяг молча поднял руку в знак приветствия и показал глазами на широкий диван.

Последнее время в присутствии Варяга Сивый испытывал некоторую скованность. Нечто подобное он ощутил в далекие школьные годы, когда строгий учитель ухватил его за воротник в тот самый момент, когда он подглядывал в щелку за переодеванием одноклассниц после урока физкультуры. Возможно, это чувство было связано еще и с тем, что он знал всю подноготную Владислава Геннадьевича, а многим, кто захотел бы проникнуть в тайну Варяга, это знание стоило бы самого дорогого. И Сивый однажды осознал, что его жизнь – всего лишь рискованное путешествие по узенькой вибрирующей доске, с которой можно сорваться в любой момент.

– Ты звал меня, Варяг?

Сивый понимал, что такое обращение льстит Владиславу. Варяг в душе оставался все тем же законником, с кем считались начальники колоний и кого почитали блатные. Варяг был авторитет с головы до пят. Это ощущалось в его умении разговаривать, даже жесты у него были какие-то особенные – сдержанные и в то же время уверенные.

Вор на зоне среди прочей уголовной братии всегда отличается аккуратностью и опрятностью в одежде, даже кепочку он носит щеголевато. На воле законники не изменяют привычкам и заметно выделяются из своего окружения. Варяг был таков и сейчас.

– Сивый, слышал ли ты о таком доне Монтиссори?

Сивый усмехнулся:

– Уж не тот ли это Монтиссори, что контролирует игорный бизнес и публичные дома на всем Тихоокеанском побережье?

– Он самый! А еще он входит в пятерку влиятельнейших и богатейших мафиози Америки. – Варяг выдержал паузу, а потом продолжил: – Вчера я позвонил Монтиссори с предложением о совместном бизнесе, но, судя по его тону, мои заверения его не убедили. Он был немногословен, но дерзок. Сказал, что не имеет ни малейшего представления о том, кто мы такие. Мне бы хотелось, чтобы ты передал ему пламенный привет, и я надеюсь, что, когда позвоню ему в следующий раз, он будет более осведомлен и любезен.

– Что я должен сделать?

– Во дворе его виллы стоит серый лимузин. По самым скромным подсчетам, тачка стоит полмиллиона долларов. Он дорожит этим автомобилем не потому, что он такой роскошный, хотя, по сути, это целый дом на колесах, напичканный всякой электроникой не хуже «Челленджера». Тут дело в ином – это подарок его старшего сына. И вот я надумал преподать урок одновременно и подрастающему поколению Монтиссори. Пусть знают, что сюда мы пришли не на один день. Желательно, чтобы это они хорошо усвоили. Пусть прочувствуют, что лучше быть добрыми соседями и партнерами, чем смертельными врагами.

– Варяг, я все понял, не стоит дальше углубляться в детали.

– Ну, тогда позвони мне сразу, как исполнишь... А теперь давай выпьем нашей русской водки за удачу.

Вынув из ведерка со льдом бутылку «Столичной», Варяг откупорил ее и наполнил до краев хрустальные рюмки.

Глава 11

Этим лимузином дон Монтиссори действительно дорожил. Подарок старшего сына Марчелло, контролировавшего несколько итальянских ресторанов в Сан-Франциско, свидетельствовал не только о мощи клана, но и о том, что его первенец стал настоящим мужчиной. То, что он уже не подросток, старший сын доказал два года назад, когда боевики дона Грациани разгромили один из его лучших баров, изуродовали охрану и публично заявили, что отныне управляющий бара должен платить деньги их хозяину. Такой поступок расценивался не просто как оскорбление, это был вызов могуществу клана дона Альберто Монтиссори, не принять который было для Марчелло так же позорно, как не обратить внимание на плевки в свою сторону.

Уже через час Марчелло знал поименно всех боевиков, посмеявшихся оскорбить их отца, а также их адреса. К ним на квартиры и в места, где они обычно проводили время, были отправлены несколько десятков бойцов, а уже через три часа участники грациановской акции, избитые и окровавленные, предстали перед старшим сыном Альберто Монтиссори.

Марчелло напоминал отца. Коренастый, мускулистый, он внимательно осмотрел опухшие от побоев лица тех, кто посмел поднять руку на владения семьи Монтиссори, и властно распорядился, будто уже был доном:

– Закопайте их на свалке – такой падали там как раз место.

А когда просящих о пощаде боевиков уволокли, он с равнодушным видом поинтересовался:

– Кажется, у дона Грациани в одном из колледжей учится внучка?

– Именно так, дон Марчелло, – отозвался Лучано Антониони, один из ближайших доверенных отца.

– Я хочу, чтобы она была здесь, в моем доме. Немедленно!

Лучано понимающе улыбнулся:

– Сделаем.

Внучка дона Грациани оказалась рыжеволосой, щуплой девчонкой лет четырнадцати. Полчаса назад, когда она возвращалась из колледжа домой, на глазах у десятка свидетелей трое парней, несмотря на отчаянное сопротивление, затащили ее в машину и привезли в этот дом. Высокомерная и заносчивая, она презрительно смотрела на обступивших ее мужчин и молчала.

– Ты знаешь о том, что твой дед смертельно обидел моего отца? – спросил Марчелло.

– Нет, – сказала она. – Не знаю и знать не хочу.

Марчелло хмуро улыбнулся.

– Теперь будешь знать, – процедил он сквозь зубы и с силой рванул обеими руками ее платье. Толкнув на диван, он навалился на нее и изнасиловал в присутствии плотоядно ухмылявшихся подельников.

– Не ожидал... Оказывается, ты подарила мне свою невинность. Это будет мой привет дону Грациани. – Он обернулся к сообщникам и добавил: – Пусть сама добирается домой. Не маленькая...

Теперь Монтиссори знал, кому следует передоверить свою империю, когда захочется покоя.

Совсем неожиданно для себя он привязался к подаренному сыном лимузину. В гараже дона Монтиссори имелись самые разные автомобили – от обыкновенного «Форда» до роскошного «Ягуара» специальной сборки. Но теперь они, казалось, его не интересовали. Уже третий

месяц он предпочитал лимузин всем остальным машинам. Автомобиль был не из простых – кроме пуленепробиваемых стекол и бронированного кузова, он имел спутниковую связь, приборная доска напоминала панель сверхзвукового самолета, а кресла одним нажатием кнопки превращались в удобное и мягкое ложе. Это преимущество он оценил уже не однажды, путешествуя в лимузине вместе с предметом своего поклонения – молодой журналисткой из модного журнала. Она любила его ласки. Мужчины с деньгами, как правило, ведут себя с женщинами раскованно, а дон Монтиссори обладал еще и южным темпераментом. Возлегая в просторном салоне лимузина, он мурлыкал нежные слова, не торопясь раздевая ее, и раздевался сам. Потом с воодушевлением облизывал предмет любви с головы до ног и, дойдя до самых интимных мест, возбуждался до такой степени, что не замечал, как его ноги упирались в руль. Стоны сливались в одно целое с автомобильным гудком. А случайные прохожие с любопытством смотрели на неумолкающий раскачивающийся лимузин. Это веселило журналистку. Смеясь, она говорила, что когда-нибудь о своем романе с доном Монтиссори напишет книгу. А Альберто похотывал и обещал, что отыщет крупного издателя и выпустит бестселлер под названием «Оргазм в лимузине».

В этот вечер Монтиссори попросил не ставить машину в гараж. Около полуночи ему обещал позвонить конгрессмен Корда и сообщить, как продвигаются дела с законопроектом о легализации ночных клубов. Дона уже не устраивали отдаленные кварталы Сан-Франциско, куда навевались лишь великовозрастные хиппи и безденежная молодежь. Он норовил потрошить богатых туристов, жадных до развлечений и забав, а потому большую часть своего бизнеса решил перенести на центральные улицы города поближе к заливу. Его также интересовала территория парка, расположенного на побережье. Здесь всегда было много отдыхающих, а это, как известно, гарантия успеха. На купленных землях он хотел снести ряд ветхих зданий и построить целый комплекс, который бы включал несколько казино, стриптиз-бары, рестораны, закусочные. Специалисты уверяли дона Монтиссори, что вложенные деньги окупятся уже через пару лет. Однако именно на эти угодья претендовали еще три банка, за которыми стояли уважаемые и влиятельные люди, и дон понимал, что без поддержки Корда ему не обойтись. Поэтому ему не терпелось поговорить с конгрессменом этим же вечером.

Уже в течение часа из квартиры, расположенной на верхнем этаже соседнего небоскреба, Сивый наблюдал за особняком Монтиссори. Назар не без ехидства думал о том, что дону следовало быть осмотрительнее. Если бы Варяг пожелал ликвидировать крестного отца, то лучшее место, чем это, трудно даже представить. С расстояния трехсот метров вилла Монтиссори не казалась такой впечатляющей. С высоты двадцатого этажа отлично просматривался двор. Недалеко от ворот стоял темно-серый лимузин – красивая, мощная машина. Дом был хорошо освещен. Сивый посмотрел в бинокль – все окна, кроме тех, где располагалась прислуга, были плотно зашторены. Угловая комната на втором этаже, из глубины которой шел мягкий свет, явно принадлежала дону Монтиссори. Возможно, в эту самую минуту он сидел около торшера и листал порнографические комиксы. Об этой его слабости знали многие отцы семейств и, выражая почтение, всегда дарили Альберто цветные иллюстрированные журналы с красотками в разных видах.

Дом, огороженный трехметровой стеной, казался неприступным. Что ж, чем крепче орешек, тем вкуснее плод.

Пора, подумал Сивый и направился к лифту. Кабина спустилась вниз буквально за полминуты. В вестибюле Сивый никого не встретил. Выйдя на улицу, он пересек сквер и направился в сторону виллы Монтиссори. Сюда он приходил уже трижды и не без удовольствия отметил, что система защиты у сицилийского дона слабее, чем у его российского коллеги. Времена гангстерских войн в Америке закончились пару десятилетий назад, вот поэтому Альберто

Монтиссори относился к своей безопасности более легкомысленно, чем Варяг, прибывший в США едва ли не с места боевых действий, каким последнее время стала Россия.

И все-таки охранная сигнализация была не так проста, как это могло показаться на первый взгляд. Телевизионные камеры, выставленные по углам ограды, фиксировали любое движение. Едва ли не каждый сантиметр просматривался, и нужно было обернуться мышонком, чтобы проскочить незамеченным через чуткие датчики. Но даже если кто-то и сумел бы перелезть через эту стену, то по другую сторону сторожевые псы все равно разорвали бы того в клочья.

Некоторое время Сивый выжидал. С газетой в руках он сидел на скамейке в сквере. Было тихо. Во дворе недовольно тьякнул пес, кто-то громко прикрикнул, и опять установилась тишина. Сивый свернул газету и сунул ее в карман. Это был условный сигнал для его ученика-напарника по кличке Бритый.

В сорока метрах от дома Монтиссори Бритый оставил грузовик. Машина стояла здесь уже несколько часов и не должна была вызвать у охраны Монтиссори никаких опасений. Под тентом, в обыкновенном алюминиевом ведре, находилась мина направленного действия. Бритый ждал сигнала.

Этот девятнадцатилетний парень нравился Сивому. Подражая знаменитому актеру Юлу Бриннеру, парнишка вот уже третий год подряд исправно брился наголо. Сивого это не раздражало, поскольку ученик оказался способный. А нужда к тому же заставляла Бритого быть исполнительным и браться за самые отчаянные дела. Приходилось кормить парализованную сестру. Выжив после страшной автомобильной катастрофы, она осталась без мужа, с трехлетней дочерью на руках.

Бритый неторопливо подошел к грузовику, забрался в кабину и, повернув ключ зажигания, завел двигатель. Закурив, он сделал пару затяжек. Бросил взгляд на ворота.

Единственным слабым местом в ограде являлись именно эти металлические ворота. Не было никаких сомнений в том, что они перестанут существовать, как только в них врежется грузовик.

Бритый докурил сигарету, включил скорость и направил автомобиль прямо в створ ворот. Машина неслась, набирая скорость. Когда до стены оставалось метров пятнадцать, Бритый выпрыгнул через открытую дверь, в два прыжка перемахнул через улицу, забежал за угол, вскочил в ожидающий его «Додж» и был таков. Сивый увидел, как под ударом массивного бампера створки ворот отлетели в стороны, грузовик ворвался во двор, а когда поравнялся с лимузином, Назар нажал на кнопку пульта, и тотчас из борта грузовика снопом брызнуло пламя.

Лимузин подкинуло, а затем груда металла рухнула на аккуратно подстриженный газон. Обломки каменной стены разлетелись на десятки метров, а тяжелые створки ворот, выбитые взрывной волной, перелетели через улицу и врезались в витрину супермаркета, разбросав по тротуарам муляжи.

Сивый знал, что в это же самое время раздалось взрывы еще в двух кварталах города – на воздух взлетела автозаправка Монтиссори, а от гостиницы, которую он собирался открыть уже через месяц, остались одни воспоминания.

Еще минуту Назар созерцал разрушения и суматоху, а потом спокойно, не привлекая ничье внимание, неторопливо пошел к телефонной будке на соседней улице. Уже отойдя на приличное расстояние, он услышал за спиной сирены полицейских и пожарных машин.

Набрав номер и услышав ответ, он сказал:

– Не потревожил, Варяг?

Глава 12

Варяг сидел у телевизора. Он старался не пропускать последние известия и был благодарен комментаторам, если те упоминали в своих сообщениях события в России. А на родине набирал обороты беспредел. В Москве у порога своего дома выстрелом в затылок был убит еще один вор в законе. Седой. Оператор крупным планом показал распластанное на мокром асфальте мертвое тело. Кадр сменился, и диктор, уже забыв об этом сообщении, бесстрастным голосом рассказывал о стихийном бедствии в Новой Зеландии. Тайфун страшной силы разрушил несколько поселков на океанском побережье, число пропавших без вести превысило сто человек, нанесенный стихией ущерб исчисляется десятками миллионов долларов.

Варяг выключил телевизор – дальнейшее его не интересовало. Он думал о кончине Седого. За последние полгода это был семнадцатый убитый авторитет. Раньше убийство вора в законе расценивалось как событие чрезвычайное. О нем мгновенно узнавали все зоны, и во все концы спешили разослать малявы с именем возможного убийцы. Устранение человека, поднявшего руку на воровской кодекс, считалось делом чести для всего уголовного братства. В Москве скорее всего шел передел сфер влияния. Столица стремительно превращалась в один из самых дорогих городов мира. За шальными деньгами в Москву потянулись пришлые, чьей территорией были окраины России. Варяг ни минуты не сомневался, что новые группировки, заявившие о себе беспределом, молоды, жадны до легких денег и не признают никаких авторитетов. Они требуют своей доли в криминальном бизнесе и хотят этого немедленно, совсем не осознавая того, что теневые структуры оформились не вчера, работают уже многие годы и созданы людьми, которые ныне являются законными.

Даже из-за океана Варяг видел, что в России зреет смута, имя которой беспредел. Некогда, во времена нэпа, в Москве орудовала такая банда. Она выделялась неслыханной жестокостью даже на фоне профессиональных мокрушников. Члены банды всегда действовали дерзко и безжалостно. Как правило, не оставляли после себя свидетелей. Они не считали грехом отнять куш у менее слабой банды. Их боялись обыватели, люто ненавидели чекисты, сторонились свои. Только за год работы беспредельщики оставили после себя несколько десятков трупов, а когда наконец банда была уничтожена, вместе со всеми облегченно вздохнул и воровской мир столицы.

Беда была в том, что многие нынешние законные и авторитеты не дотягивали до той планки, до которой сумел поднять воровское дело самый знаменитый в прошлом вор в законе по кличке Медведь. Нынешним не по силам было даже одернуть зарвавшуюся молодежь. А ведь в недалеком прошлом одного слова Медведя было достаточно, чтобы усмирить непокорных и пресечь на корню пробившуюся в уголовную среду ересь. Медведь был суров, но не жесток: он мог отвесить всего лишь единственную пощечину беспредельщику, и это бесчестие приравнялось едва ли не к физической гибели. Многие, не выдержав такого позора, вешались, другие извлекали из оплеухи полезный урок, были и такие, кто навсегда оставлял опасное ремесло и становился обыкновенным работягой. Но прежде чем наказать беспредельщика, Медведь пытался его убедить. Как правило, после такого разговора неуправляемый вор начинал жить по «понятиям».

Последние годы политическая ситуация в России менялась едва ли не каждый день, а уголовный мир – это всего лишь перевернутая действительность. Нынешние времена – не светлый вчерашний день, когда слова пахана слушали, как проповедь апостола. В России теперь пацаны нажимают на курок с той же легкостью, с какой опытный вор-карманник запускает руку в карман подвыпившего фирмача.

После смерти Медведя в воровской среде не находилось человека, способного его заменить, а те немногие, кого судьба все же возводила на всероссийский воровской трон, методично уничтожались. Одним из таких был Седой.

Седого Варяг знал по знаменитой Раифской малолетке, что находится неподалеку от Казани. Если Варяг свой первый срок отбывал за драку, то Седой уже тогда был опытным карманником и имел твердые понятия о воровской чести. Он никогда бы не стал красть деньги у своего товарища, справедливо называя такой поступок «крысятничеством», но зато без всякого смущения мог вытянуть кошелек у зазевавшейся старухи. Его покровителями были опытные известные воры, и на малолетке он имел репутацию справедливого пацана. Воспитанники всегда привлекали его на роль третьей стороны для разрешения споров.

Варяг вспомнил далекую малолетку. В те годы, когда он отбывал срок, молодняк попался особенно крепким и выделиться из общей массы могли только незаурядные личности. Седой был одним из таких.

Позже многие из воспитанников тех лет стали ворами в законе и положенцами и в воровской элите России пользовались значительным авторитетом. Они представляли собой серьезную силу – с ними невозможно было не считаться. Раифская обитель сумела развить у каждого чувство землячества, которое сродни дворовому патриотизму.

Даже отсидев срок, они не терялись и держались друг друга как бывшие подельники. Если кто-то попадал в места заключения, то ему отсылали грев и писали коротенькие письма-малявы, которые могли подбодрить куда лучше, чем стакан водки. А на российских сходнях они составляли крепкую фракцию, которую остальные воры не без иронии прозвали «большевиками». Раифские являлись максималистами во всем – среди них были самые стойкие отрицалы, самые правильные воры и очень сильные смотрящие.

Возможно, образованию раифского братства способствовал и тот изумительный северный край, где находилась колония, – хвойный лес с могучими соснами в два обхвата. Свою роль сыграло, видимо, и то обстоятельство, что тюрьму разместили в северной половине мужского монастыря. Настоятеля и монахов совсем не тяготило такое соседство. И, если бы не знать, что за высокими монастырскими стенами осужденные, можно было бы предположить, что это заведение готовит будущих служителей церкви.

Начальник колонии хотя и не был верующим, также одобрял близость духовенства и, по возможности, помогал монастырю всем, чем мог. Он откровенно говорил, что грех всегда идет рука об руку со святостью и лучшего места для церкви, чем территория колонии, отыскать невозможно. А воспитанники, в благодарность за отпущение грехов, чистили помещения собора и мыли полы в кельях и трапезной. Исполнять послушание не стыдились даже те, кто по воровским заповедям не должен был работать вообще.

Позже Варяг узнал, что некоторые воры действительно решили связать с Раифской обителью свою дальнейшую судьбу, приняв монашество. Настоятель монастыря, отец Феофан, совершая постриг бывших заключенных, говорил:

– Бог, он к себе всякого допустит. Важно только, чтобы раскаяние было чистосердечным. И блудный сын, прежде чем вернулся к отцу, тоже прошел через многие испытания. Православная церковь знает примеры, когда и душегубцы становились святыми.

В воровской среде однажды даже прошел слухок, будто и Седой был близок к тому, чтобы поменять робу воспитанника колонии на темное одеяние послушника монастыря. Но, видно, склонность к вольной жизни и дух воровской романтики одержали верх над позывами души.

После выхода из колонии Седой примкнул к законникам старой формации, и скоро блатной мир заговорил о нем как о воре с пониманием. Седой действительно был правильным вором, и даже после того, как сходняк утвердил его законным, он никогда не злоупотреблял своим авторитетом, старался быть справедливым судьей и нигде не искал личной выгоды. Он

отказывался иметь собственную квартиру, утверждая, что настоящему законному она ни к чему, а комнатухи, в которых ютился, напоминали своей аскетичностью монашеские кельи. Как и всякий вор в законе, он жил за счет общака, но всегда брал по минимуму и никогда не выторговывал себе большего. А если нуждался в деньгах, то шел на улицу и, как обыкновенный карманник, вытаскивал кошелек.

Часть своих денег он передавал в детдом, где прошло его суровое детство. Этот факт он тщательно скрывал, а воры, зная о самолюбивом характере Седого, никогда не расспрашивали его об этом. Порой во время квартирных краж он прихватывал понравившиеся игрушки, и подельники с недоумением поглядывали на законного, запихивавшего плюшевых медвежат в сумку. Конечно, своей бескомпромиссностью и неустанной борьбой за чистоту воровских рядов он сумел нажить себе немало недоброжелателей. Однако по-другому Седой жить не мог. Он ничего не делал вполнину, и если бы стал монахом, то, вне всякого сомнения, сумел бы сравняться с самыми великими аскетами церкви. Будучи строгим к себе, Седой был требователен и к окружающим.

Особенно суров Седой был к молодым бандитам, нарушавшим механизм пополнения общака, отлаженный не одним поколением воров, и вместо спокойной жизни навязывавшим свои порядки, основанные на разрушении и беспричинном насилии.

Варяг вспомнил случай, когда одна залетная банда из Сибири попыталась обложить данью популярное кафе на Арбате. Они беспардонно вторглись на территорию, контролируемую Седым. Получив отказ от фирмачей, не пожелавших вести разговор с новой «крышей», беспредельщики изуродовали директора, а двоих его замов избили до полусмерти. Седому понадобилось только три часа, чтобы выяснить о «сибиряках» все. Они успели наследить по всей Москве – за ними был десяток ограблений в разных районах, четыре убийства и множество нелестных отзывов в адрес воров в законе. Седой дал приказ на отстрел, который тут же был приведен в исполнение.

Последнее время по решению сходяняка Седой курировал малолетки, и значительная часть общака, по его личной инициативе, уходила к ним в колонии.

Седого не стало. Когда минует сорок дней, его мятежная душа успокоится и отправится на божий суд, а на могиле убиенного новый претендент на воровскую корону произнесет клятву.

Варяг закрыл глаза и вспомнил слова, произнесенные им более десяти лет назад в далеком Заполярье, у могилы легендарного вора по кличке Фотон: «...Клянусь приблизиться своими делами к тебе...»

Сумел ли? Мир сделался совсем другим, и как повел бы себя в нем почивший идеолог воровского братства?

Телефонный звонок прервал его воспоминания. Варяг взял трубку.

– Слушаю.

– Не потревожил, Варяг? – Это был Сивый.

– Я тебя слушаю, – спокойно произнес Варяг.

– Все получилось как нельзя лучше. Думаю, горячий привет понравится твоему приятелю.

– Хорошо, – отозвался Варяг, – будешь нужен, я тебе позвоню. – И он аккуратно положил трубку на рычаг.

Глава 13

Минут через десять Варяг достал радиотелефон и набрал номер дона Монтиссори.

– Да! – услышал он резкий мужской голос.

– Мистер Монтиссори!

– Да, черт возьми! Кто это?

– Вам передали от меня привет?

Последовала пауза, а потом дон прорвало:

– Это вы?! Ваш привет разрушил половину моего дома, а кто будет возмещать мне убытки? И зачем вам было взрывать автозаправку с гостиницей?!

– Не будем мелочиться, уважаемый. Если потребуется, я могу отремонтировать ваш дом, а если мы договоримся, восстановлю гостиницу с автозаправкой. Давайте лучше поговорим о главном.

– Что вы хотите? – после паузы спросил Монтиссори.

– Я бы хотел быть вашим компаньоном, потому для начала прошу самую малость – четвертую часть.

– Да вы сошли с ума! Ведь это огромные деньги. Прежде чем войти в дело, вы должны оплатить расходы.

– Я согласен оплатить расходы, а за те деньги, которые вложу, мы можем расширить наш бизнес.

– Мне нужно подумать и посоветоваться.

– Да, конечно! Это ваше право. Но это еще не весь разговор, мистер Монтиссори. Часть моих денег уже вложена в ваше предприятие.

– Это каким же образом?

– А девочки, поступающие к вам ежегодно из России? Разве они ничего не стоят? Все притоны Америки забиты русскими красавицами. А еще я слышал, что самые лучшие танцовщицы в ваших стриптиз-клубах – тоже из России.

Это была правда. В России умели танцевать не только «Лебединое озеро». Блестящие танцовщицы выступали не только на знаменитых сценах, но и на столах ночных баров. В последний год цены на билеты в американских стриптиз-клубах выросли именно благодаря русским плясуньям. Возможно, американцам надоели толстозадые негритянки и плоскогрудые филиппинки. В русских девушках их привлекали целомудренность Белоснежки и порочность Мессалины. Противоположности удачно соседствовали, что добавляло танцу особую пикантность, сравнимую разве что с острым кетчупом, которым приправляют пресный гарнир.

Видно, в России они прошли отменную школу и могли не только красиво стягивать с себя лифчики и трусы, но так же изящно передвигаться по сцене. Впрочем, русские женщины изобретательны не только на подиуме. С полным правом их можно называть кудесницами спален, и дон Монтиссори не однажды убеждался в этом.

Каждая такая девушка могла бы обойтись дону Монтиссори очень дорого, и он был несказанно рад, что именно ему за бесценок удалось вывезти из России такой отменный товар. Но, мама мия, кто бы мог подумать, что это был всего лишь аванс, а окончательный счет ему будет выставлен сегодня по телефону.

– Я не плачу за одну и ту же операцию дважды. Этот вопрос я уже обсудил с русскими коллегами из Москвы.

– Наш разговор меняется в лучшую сторону. Мы и есть те самые русские коллеги из Москвы. Наши девочки уже успели вам принести десятки миллионов долларов, а вы не желаете поделиться с нами даже небольшой частью. Разве это справедливо, мистер Монтиссори? А

еще у меня имеется информация, что своим московским компаньонам вы так и не выплатили обещанной суммы. Вы нарушаете контракт, дон Монтиссори.

– Что вы этим хотите сказать?

– А вот что, мистер Монтиссори. Каждый год вы должны были перечислять десять процентов от своей прибыли. Прошло уже три года, а ваши русские коллеги не получили ни цента.

– С вами, русскими, очень трудно работать. Человека, с которым я заключил договор, уже давно нет. Куда мне пересылать деньги?

– Вы говорите о мистере Щербатове? Но ведь он вам оставил реквизиты банков, куда следует делать перечисления. Разве не так?... Поверьте, мистер Монтиссори, вы очень нехорошо поступили. Нам придется пересмотреть свои проценты.

– Что вы этим хотите сказать?!

– Я бы хотел получить с вас двойной должок.

– Какой еще двойной должок?

– Не надо нервничать, мистер Монтиссори.

Монтиссори догадывался, что взрыв на автозаправке и уничтожение гостиничного комплекса – это не последняя акция русских. Он посмотрел на окно – вместо стекол увидел черноту двора и кусок развороченной стены. На улице мигали полицейские маячки, а у виллы собралась толпа любопытных.

– Хорошо, уважаемый. Вижу, вы хотите обсудить условия нашего совместного бизнеса при личной встрече. Я готов.

Варягу не понравился тон, каким была произнесена последняя фраза, однако он спокойно ответил:

– Вот это деловой разговор. Это вселяет надежды. Но еще вот что, мистер Монтиссори, я знаю о том, что вы имеете странную привычку устранять своих деловых партнеров, и поэтому я буду вынужден принять кое-какие контрмеры. Не буду скрывать от вас – на встречу я приду не один, и если что-то случится хотя бы с одним из моих людей, то в следующий раз вы можете лишиться не только своего лимузина. Кажется, это был подарок вашего сына?

– Мистер... как там ваше имя?

– Думаю, у нас с вами еще будет время, чтобы познакомиться друг с другом поближе.

– Я очень буду рад нашему знакомству. И где же мы с вами увидимся?

И снова Варягу не понравились интонации в голосе дона Монтиссори.

– Вы хорошо знаете город? – спросил он.

– Если бы не эти мелкие неприятности, то я бы расхохотался. Вы спрашиваете об этом у человека, который родился в этом городе и провел здесь всю жизнь!

– Извините, мистер Монтиссори, если я вас нечаянно обидел. Мне бы хотелось с вами встретиться недалеко от парка, где вы мечтаете приобрести земли. Кажется, этот уголок называется «Маленький залив». Я не ошибся?

– Нет, не ошиблись.

– Тогда до завтра, мистер Монтиссори. Я буду ждать вас в семь часов вечера.

– С нетерпением жду нашей встречи, мистер русский. Не знаю вашего имени.

Глава 14

Семья Альберто Монтиссори изначально не принадлежала к известным мафиозным кланам. Все, что Альберто сумел создать, следовало отнести на счет его личных качеств. Но он всегда завидовал потомственным сицилийским мафиози, славившимся своими традициями и сильной клановостью, где титул «дон» передавался от отца к сыну. То, что одним давалось по праву рождения, ему приходилось завоевывать силой. Может быть, поэтому многие его сверстники вырастали беззубыми и мягкотелыми, в то время как Альберто Монтиссори с мальчишеского возраста закаляла сама жизнь.

В двенадцать лет он начал работать на Грациани – помогал его парням доставлять наркотики в нелегальные притоны. У него завелись неплохие деньжата, и он стал задумываться о будущем бизнесе, откладывая в месяц по двести долларов. А уже через два года он прослыл среди сверстников богачом и стал давать деньги под хорошие проценты. В шестнадцать лет его уже нельзя было удивить никакими удовольствиями жизни: он попробовал все – виски, кокаин, женщин. Для настоящего лидера он имел все качества – обаяние, ум, смелость, а также благосклонность девушек, которые интуитивно чувствовали в нагловатом смекалистом подростке будущего могучего и уверенного в себе самца. К семнадцати годам он верховодил в среде ровесников, почтительно называвших его уже тогда «дон Альберто».

Альберто Монтиссори всегда хотел быть богатым и, поглядывая на огромные особняки и роскошные лимузины, видел себя в мечтах таким же состоятельным и влиятельным, как их владельцы. Некоторое время он преданно служил дону Грациани, но, взрослея, стал понимать, что путь к благосостоянию лежит далеко от этого дома. Самое большее, на что он может рассчитывать в семье Грациани, так это стать личным шофером стареющего дона, с утра до вечера открывая тому дверь автомобиля. Клан Грациани всегда был силен традициями. И одна из главных заповедей клана гласила: не допускать в руководство чужаков. А многочисленных дальних родственников всегда использовали как бессловесную «пехоту», готовую умереть за интересы семьи.

В восемнадцать лет Альберто Монтиссори осознал, что созрел для серьезных дел, и, раздобыв плохонький, дающий осечки «вальтер», решил отобрать выручку у хозяина одного местного бара. Револьвер, наставленный в грудь старика, заставил того вспомнить все молитвы, и он все поминал Деву Марию и Христа, когда Альберто суетливо вытаскивал из кассы дребезжавшую мелочь. Этих денег с трудом хватило на то, чтобы купить новый костюм и кожаные ботинки. Однако Альберто успел отведать плод всемогущества и безнаказанности и уже через месяц, подговорив двух приятелей, совершил ограбление солидного магазина в центре города.

К этой своей операции Альберто готовился уже с тщательностью профессионального налетчика. В течение нескольких дней он внимательно наблюдал, а через неделю знал о супермаркете почти все. Магазин открывался довольно рано, в семь утра, и продолжал работать до десяти вечера. Ровно в полдень супермаркет покидали все продавцы, и хозяин запирали его на обед. А уже через пять минут в дверь негромко стучала молодая симпатичная китайка, работавшая официанткой в соседнем ресторане. Это была любовница хозяина магазина – крупного мужчины лет сорока пяти. Он провожал ее в кабинет, поддерживая за локоть, и по понятным причинам не отпускал сорок минут. Ровно в час супермаркет возобновлял работу.

Магазин был оборудован современной сигнализацией, которая отключалась в семь утра и включалась в десять вечера. О том, чтобы совершить ограбление ночью, не могло быть и речи. В течение дня, когда там полно посетителей, тоже чрезвычайно рискованно. Наиболее благоприятное время, решил Монтиссори, обеденный перерыв, когда в магазине остается только хозяин.

Нужно лишь подобрать ключи к двери. Для этого дела он привлек одного из своих друзей, занимавшегося квартирными кражами. Все свое свободное время тот изучал системы замков и самый сложный мог открыть за пару минут.

Переодевшись в спецодежду, в десять минут первого они подогнали к магазину автофургон. Их ждал приятный сюрприз – дверь в супермаркет оказалась незапертой, а только припертой изнутри стулом. Войдя в магазин, все трое натянули на головы чулки. Один остался дежурить у двери, а с другим Монтиссори пошел на второй этаж, где находился кабинет хозяина. Еще на лестнице они слышали страстные вздохи любовников.

Хозяин даже не услышал, как дверь распахнулась. Альберто увидел голую толстую задницу и, наставив пистолет, вежливо произнес:

– Очень сожалею, сэр, что вынужден помешать вашему деликатному занятию, но это ограбление.

– Какого черта... – повернулся с раскрасневшимся лицом хозяин.

Альберто, глядя на раскинутые в стороны колени женщины, продолжал так же невозмутимо:

– Советую не делать лишних движений, иначе в вашей голове станет на одну дырку больше. Нам нужна выручка, которую вы храните здесь, вот в этом сейфе.

– Я все отдам... только не стреляйте.

Получив деньги, они, не позволив любовникам одеться, привязали их к стульям и спокойно удалились.

Теперь он был богат. На эти деньги он мог купить не только машину и дом, но и жить безбедно год-другой. И тем не менее Альберто Монтиссори поступил по-другому. На окраине города он купил небольшой ресторанчик и нанял охрану из бывших профессиональных боксеров, раз в месяц пополнявших его казну. Они делились с Монтиссори прибылью от опустошительных налетов на различные увеселительные заведения Сан-Франциско. Деньги он вкладывал в строительство игорных домов, возводил гостиничный комплекс на берегу океана, и скоро о Монтиссори заговорили как об удачливом бизнесмене.

Дон Грациани, вспоминая службу Альберто в своем доме, предлагал молодому коллеге покровительство. Однако у честолюбивого Монтиссори были собственные планы. Он отстранил протянутую руку старика и тем самым нажил в его лице своего первого врага. С тех пор они уже не находили согласия, а стычки между «пехотой» враждующих сторон выливались порой в кровавые побоища.

Беда была в том, что парни Альберто Монтиссори и дон Грациани любили развлекаться в одних и тех же барах, посещали одни и те же публичные дома, даже сердечные привязанности у тех и у других были одинаковые.

Последняя стычка между молодчиками Альберто и боевиками дон Грациани произошла год назад, когда друг Монтиссори Лучано Антониони приревновал юную красотку к одному из приближенных дон Грациани и зарезал того на глазах у двух десятков свидетелей. В ответ дон Грациани велел застрелить младшего брата Лучано.

Тогда кланы были на грани войны, и только личная встреча двух донов не позволила разрастись конфликту.

Альберто Монтиссори не унывал, он знал, что молод, крепко держит за хвост удачу и не расстанется с капризной птицей даже в том случае, если она надумает поменять оперение. Молодой мафиози проявил недюжинные организаторские способности. Он сумел свое дело укрепить и расширить настолько, что даже самые влиятельные кланы огромного города были вынуждены считаться с могуществом Монтиссори. Неохотно потеснившись, они приняли его в свой орден.

В двадцать четыре года Монтиссори стал самым молодым доном Сан-Франциско и Америки. Он давно ждал официального признания со стороны старейших мафиозных кланов,

и когда наконец получил долгожданное послание за подписью двенадцати самых уважаемых отцов, не сумел сдержать нахлынувших чувств – почти по-свойски хлопнул по плечу представителя семей, прибывшего с радостной новостью.

Утверждение Монтиссори доном должно было состояться в шикарнейшем ресторане города. На этот день зал был полностью выкуплен тринадцатью самыми богатыми, а возможно, и самыми влиятельными людьми страны. Они явились в ресторан в сопровождении телохранителей и сели за длинный стол. Последним, как того требовали неписанные законы, сел Альберто Монтиссори.

Среди двенадцати прибывших донов присутствовал и Грациани. Альберто старался не смотреть в его сторону.

К его удивлению, председательствующим, как старейший из присутствующих, был избран именно дон Грациани.

Он был сдержан:

– Мы тут между собой переговорили... За последние четыре года ты сумел сделать то, чего другой не сумел бы даже за всю свою жизнь. Ты построил несколько гостиниц и ресторанов, в твоих руках бары почти по всему побережью, ты контролируешь большую часть экспорта оружия, ты сумел набрать армию преданных бойцов, способных защитить накопленные капиталы. И это далеко не полный перечень твоих заслуг, поэтому мы решили, что, несмотря на твою молодость, ты достоин сидеть с нами за одним столом. Возьми этот золотой перстень, – протянул Грациани подарок, – отныне ты – дон!

Альберто Монтиссори поднялся из-за стола, взял перстень и уверенно надел его на палец.

Присутствующие негромко захлопали новоиспеченному дону. Теперь он равный среди равных, отныне даже спесивые отпрыски из сицилийских кланов должны уважительно обращаться к нему «дон». Молодость Альберто Монтиссори не мешала ему вести дела с размахом. Будучи состоятельным человеком, он мог позволить себе проявлять великодушие и щедрость: в ресторанах не подавал швейцарам меньше десяти долларов; не отказывал юнцам, когда они просились на службу. Альберто вспоминал себя семнадцатилетним, одновременно думая о том, что, оказывая молодым людям помощь, приобретет для себя в будущем верных помощников.

Дело дона Монтиссори ширилось.

Он устал оглядываться на некогда могущественные семейства потомков первых сицилийских эмигрантов и решил жить по собственным законам, главный из которых – подвергать сомнению былые заслуги стареющих донов.

Там, где тридцать лет назад были открыты подпольные притоны с дешевыми проститутками, он строил ультрасовременные отели, открывал стриптиз-бары, где танцовщицы, по желанию клиента, раздевались прямо на столах.

Там, где прежде находились букмекерские конторы, он сооружал современные казино и открывал шикарные залы с игровыми автоматами.

На заброшенном пустыре, где враждующие мафиози устраивали перестрелки, он возвел тир для пулевой стрельбы, который имел в своем арсенале практически все виды оружия и где за хорошую плату имел право пострелять каждый желающий.

Смеясь, Альберто Монтиссори говорил, что может выплачивать пособие всем мафиози, вышедшим на пенсию.

Его дело скоро перестало уместиться в пределах одного города – оно множилось публичными домами и стриптиз-барами, которые теперь можно было встретить почти в каждом городке Западного побережья. Его империя разрасталась со стремительностью снежной лавины, сорвавшейся с крутого склона. Монтиссори по всем направлениям теснил своих конкурентов, делая упор на гостиничный бизнес и туризм. Гостиницы с его именем на фасаде можно было увидеть во многих странах Европы и Азии.

Торговля наркотиками также становилась одной из статей его дохода. Он чувствовал себя по-настоящему могущественным. А потому, когда ему позвонил русский мистер, Альберто воспринял его угрозу едва ли не как комедийный розыгрыш. Кто бы мог подумать, что все окажется настолько реальным.

Глава 15

Монтиссори подошел к окну. В центре двора, завалившись на развороченный бок, лежал некогда роскошный лимузин, первый настоящий подарок старшего сына.

– Мистер Монтиссори, – услышал он за спиной тихий, вкрадчивый голос.

Монтиссори обернулся и увидел в дверях шефа полиции Рона Вуда.

– Я слушаю вас.

– Нам бы хотелось получить кое-какие объяснения. Если вас не затруднит, расскажите, пожалуйста, что все-таки произошло у вас во дворе?

Между доном Монтиссори и шефом полиции уже давно шла скрытая война. Это никак не выражалось во время их случайных встреч. Каждый старался всегда одарить другого изумительной улыбкой.

Рон Вуд принадлежал к той породе полицейских, которые даже в маленьком проступке обывателя видят угрозу национальным интересам. Он был по-детски честен, непреклонен даже в малом, а задобрить его подношениями было так же безнадежно, как пробираться по тоненькой жердочке через бездонную пропасть.

Рон Вуд знал о Монтиссори почти все. Он прекрасно был осведомлен о том, что Альберто Монтиссори – один из влиятельнейших заправил игорного бизнеса. От него не укрылось и то, что дон контролирует большую часть наркотиков, поступающих через морские ворота, а в притонах Сан-Франциско и Лос-Анджелеса он полноправный властелин. Вуд с превеликим удовольствием защелкнул бы на запястьях Монтиссори металлические браслеты, но он оставался недосыгаем. И, в общем-то, в его отсутствие неуправляемая армия головорезов могла натворить такого, что потом и за год не расхлебашь.

Через своего осведомителя шеф полиции знал, например, что послезавтра в порт придет корабль из Колумбии, трюмы которого заполнены ящиками с апельсинами. В одном из контейнеров с фруктами будет припрятана сотня-другая фунтов чистейшего кокаина. Вуд не тешил себя надеждой, что за наркотиками явится сам Альберто Монтиссори, однако был уверен: в ближайшую неделю сумеет доставить ему немало беспокойных минут.

Дон Монтиссори, в свою очередь, недолюбливал шефа полиции и на последних выборах приложил большие усилия, чтобы кресло начальника городской полиции занял выходец из сицилийских семей, чью кандидатуру согласились поддержать и остальные доны. Однако, вопреки всем его стараниям, Рон Вуд остался на своем посту.

Альберто Монтиссори предполагал, что это было сделано с согласия высокопоставленных лиц, чьим расположением, несомненно, пользовался шеф полиции.

– Так что все-таки произошло у вас во дворе? – переспросил Рон Вуд.

– Что вы, дружище! – широко улыбнулся Монтиссори. – Разве у меня может что-то произойти?

– А разнесенные вдребезги ворота и груда металла вместо лимузина... это пустяки?

– Ах, это! – пропел Монтиссори. – Видно, мои внуки играли в войну, и во дворе разорвалась бочка с бензином, вот отсюда такие неприятности.

– Значит, вы не хотите сделать какие-либо заявления?

– Святая Мария! – театрально вскинул руки дон Монтиссори. – На кого же я могу заявить? На судьбу? Или, может быть, на собственную беспечность?

– Вам виднее, мистер Монтиссори. Если бы не искореженный грузовик у вас во дворе, то я мог бы подумать, будто взорвалась бочка с бензином. А так мне показалось, что у вас во дворе действовал подрывник высочайшего класса.

– Ну что вы, что вы, шеф! Это все детские шалости. Вы всегда склонны преувеличивать, – подчеркнуто любезно поклонился Монтиссори.

А Вуд с удовольствием подумал о том, что это не последняя их встреча на текущей неделе, и, не сумев погасить на лице улыбку, покинул Монтиссори.

Дон Альберто Монтиссори дождался, когда полицейские машины, распугав редких прохожих, скрылись в лабиринтах ночных улиц, набрал номер Антониони.

– Лучано?

– Да, дон Альберто!

– У меня к тебе несколько вопросов. Ты мне нужен немедленно.

Лучано Антониони был третьим человеком в клане Монтиссори. Худошавого, юркого юношу дон присмотрел шесть лет назад, когда тот возглавил небольшую шайку, специализировавшуюся на вышибании денег у карточных должников. Монтиссори предложил парню работать на себя, обещая оклад банковского служащего и неплохую карьеру в своей организации.

Альберто Монтиссори был одним из самых известных людей в городе, и неожиданный приезд великого мафиози в тесную квартиру, которую Лучано делил не только со своими тремя братьями и их женами, но и с несколькими горластыми племянниками, стал огромным событием. Весь итальянский квартал сбегался посмотреть на роскошный белый «Кадиллак», сопровождаемый двумя джипами.

Появление великого Альберто в его доме перевернуло многое в душе юного Лучано, и он понял, что согласился бы работать на Монтиссори даже за четверть предложенной ему суммы.

Дон Альберто не ошибся – у юноши оказался на редкость тонкий и сметливый ум. Он мгновенно вникал во все дела, какие бы ни доверял ему Монтиссори, и вскоре стал одним из его лучших специалистов, в том числе и в области финансовых операций.

Уже через два года Монтиссори поручил ему присматривать за несколькими банками в Сан-Франциско и Лос-Анджелесе. Теперь Лучано разъезжал в черном бронированном «Мерседесе», а кожаную куртку и повязку на голове поменял на дорогой костюм и шляпу.

Между тем Монтиссори не думал отстранять юношу от прежней работы, и Лучано частенько успешно выполнял особые поручения дона. Никто и предположить не мог, что за любезной улыбкой парня, напоминавшего добросовестного студента, скрывается расчетливость хладнокровного убийцы.

Однажды Лучано по приказу Монтиссори застрелил своего друга детства за то, что тот не рассказал Монтиссори о своей встрече с Грациани. Дон предположил, что Рафаэль ведет двойную игру. Лучано вместе с двумя бойцами вывез Рафаэля далеко за город, вывел из машины.

– Лучано, неужели ты веришь всему тому, что сказали обо мне? Мы же с тобой вместе росли, и ты меня знаешь больше других. Я не искал с Грациани встречи, он сам меня нашел.

– И что же он тебе сказал?

– Чтобы больше я не подходил к его любимой внучке. И если меня что-то интересует, так это его внучка. Мы встречаемся с ней уже второй год.

– Я не верю в твое предательство, – честно признался Лучано, – но о внучке Грациани ты должен был сказать дону Монтиссори. Впрочем, это уже не имеет значения. Извини, я должен выполнить приказ... Открой рот, так тебе легче будет умирать.

Когда Рафаэль открыл рот, Лучано сунул ствол револьвера под небо своему другу и выстрелил, не мешкая.

Возможно, этот приказ не был прихотью дона. Альберто Монтиссори хотел проверить личную преданность Лучано Антониони.

– Ты мне нужен, – повторил Монтиссори и после короткой паузы жестко добавил: – Немедленно!

– Хорошо, дон Альберто, я выезжаю.

Лучано Антониони даже взглядом не выразил удивления по поводу разрушений в доме своего хозяина, будто перевернутый лимузин и разрушенный каменный забор – такое же обычное дело в их жизни, как выпитая в ранний час чашка крепкого кофе.

Дон напомнил о нанесенном оскорблении тихим, спокойным голосом:

– Лучано, я хочу тебя спросить, как ты вошел в мой дом? Через пробойну в стене или через ворота, вернее, то место, которое когда-то называлось воротами?

– Дон Альберто, в этот дом я прихожу не впервые. И всякий раз проходил только через калитку. Я не меняю своих привычек, – мягко улыбнулся Лучано, – сегодня я поступил так же.

Монтиссори по достоинству оценил ответ, одобрительно крякнул и сказал:

– Лучано, ты отличный гангстер, но я не сомневаюсь, что из тебя наверняка вышел бы неплохой дипломат. Может быть, ты еще подумаешь и решишь поменять свою судьбу? Если потребуется моя помощь, всегда можешь на нее рассчитывать.

– Я знаю это, дон Альберто. Только я еще хотел бы добавить, что не меняю также своих привязанностей и пристрастий.

– Достойный ответ. Так вот, Лучано. Сегодня мне серьезно угрожали. Взорванный автомобиль и разрушенная стена – это предупреждение о том, что в следующий раз я могу лишиться своего цветника, к которому чрезвычайно привязан. А как в этом случае моя жена будет жить без хризантем? Ведь она ухаживает за ними, словно за собственными детьми. Я бы не хотел доставлять ей неприятности. Ты знаешь, о чем я говорю, Лучано.

Дон Монтиссори обладал не только оперным баритоном, способным потрафить вкусу даже изысканной итальянской публики. Он обладал хорошими артистическими способностями, не считаться с которыми были не в состоянии даже его враги. Он мог обнимать за плечи обидчика, подливать ему вина в бокал, а после завершения ужина отдать приказ о немедленной ликвидации. Дон Монтиссори мог неожиданно рассердиться на компаньона и, испугав того непритворным гневом, заявить, что прекращает всякие деловые отношения, а потом так же мгновенно остыть и назвать верным другом. Дон Монтиссори был непредсказуем. Он был загадкой, к разгадке вели несколько путей.

Один из них Лучано подсказала собственная наблюдательность – дон Монтиссори ценил преданность.

– Я всегда готов выполнить любую работу, уважаемый дон Альберто.

– Конечно, мой дорогой Лучано, на кого же мне еще рассчитывать, если не на таких, как ты. Но, я вижу, ты в хорошем расположении духа?

Лучано улыбнулся. Несмотря на все неприятности дон Монтиссори, Лучано не старался скрыть превосходное настроение.

Сегодня ему повезло – он наконец-то сумел овладеть одной недотрогой из высокопоставленной семьи. А ведь накануне, глядя в ее огромные глаза, он даже и подумать не смел, что маленькое капризное создание – кудесница любви. Когда он сумел сломить ее сопротивление, насильно стащив юбку и повалив девушку на широкую, удобную тахту, когда наконец подмял ее под себя, та вдруг обмякла и превратилась в воплощение страсти. Она подарила ему такие полчаса, каких он не испытывал за всю свою жизнь. И завтра вечером он решил отблагодарить ее за страстные ласки в одном из самых дорогих ресторанов города. Лучано был на седьмом небе, предвкушая предстоящую встречу.

– Да, дорогой дон Альберто, извини, но у меня сегодня выдался отличный денек.

– Рад за тебя, Лучано, но перейдем к делу. – Альберто подошел к Антониони и, взяв его за плечи, усадил в мягкое кресло. – Я не люблю, когда мне угрожают. И многие из тех, кто однажды попытался это сделать, уже отправились в лучший мир. А еще я бы хотел наказать этих негодяев за то, что они испортили подарок моего сына. Ты видел во дворе раскуроченный лимузин, Лучано?

– Видел, дон Альберто.

Глаза молодого гангстера весело блеснули – он подумал о том, что на память о предстоящем вечере подарит пылкой красавице перстень с бриллиантом. Он даже знал, как будет выглядеть этот перстень – широкий, почти во всю фалангу пальца, выполненный в виде двух сплетенных цветков, и там, где они соединяются, будет огромный, величиной с горошину бриллиант. Именно такой перстень Лучано видел у одной из любовниц дона Альберто Монтиссори.

– Когда смотрю на развороченный лимузин, мне кажется, будто я вижу растерзанное тело сына. Они должны дорого заплатить за эти видения.

– Кто это сделал, дон Альберто?

– Они называют себя «русской мафией», и завтра в парке у залива у нас с ними назначена встреча.

– Чего они добиваются?

– О! Они ведут себя очень нескромно, рассчитывая получить от нас четвертую часть прибыли.

– Похоже, это серьезные ребята.

Альберто Монтиссори опустился в кресло напротив. Он выглядел постаревшим, а морщины на щеках стали глубже.

– Ты так считаешь? Ну что ж, ладно. Завтра мы с ними встречаемся в семь часов. Мне бы очень хотелось взглянуть на дерзкого русского дона. Он мне чем-то напоминает меня самого... в далекой молодости. – Дон Монтиссори неожиданно улыбнулся. – Возьми с собой десятка три храбрецов и будь все время рядом. А потом, когда наши разговоры закончатся, сделай так, чтобы я с ним больше никогда не встретился. Ты меня понимаешь, Лучано?

– Конечно, дон Монтиссори, – улыбнулся Лучано, вновь подумав о своей недотроге.

Глава 16

Варяг никогда не опаздывал на встречи. Эта привычка у него выработалась еще в России – приходилось не только примирять противоборствующие стороны, но и самому принимать активное участие в разборках. Как правило, сторона, опоздавшая на «стрелку», уже изначально находится в положении отыгрывающейся и обязана была заплатить штраф, а проигрывать Варяг не умел. Поэтому Варяг, решив основательно подготовиться к встрече, явился в парк за десять часов до ее начала. Место было выбрано удачно.

Несколько лет назад лужайки этого парка были излюбленным местом прогулок и отдыха жителей Сан-Франциско. Поутру здесь можно было встретить любовные парочки, расположившиеся прямо на траве. И горожане не без юмора называли тенистые места парка «домами свиданий». Все изменилось несколько лет назад, когда соперник Монтиссори, дон Грациани, взял у мэрии часть земли в длительную аренду. Он хотел соорудить здесь пятизвездочный отель с залами для казино и ресторанами, но дон Монтиссори сделал все от него зависящее, чтобы этого не случилось. Стройку, затеянную доном Грациани, приостановили, когда был завершен нулевой цикл и появились очертания первого этажа. Теперь это место облюбовали наркоманы. Вечером сюда заглядывали разве что сумасшедшие, а влюбленных вытеснили бродяги и попрошайки. И уж нужно было совсем не иметь благоразумия, чтобы появиться в вечерний час в глубине парка.

На аллеях, поросших густым кустарником и магнолиями, можно спрятать не только десяток бойцов, но и дюжину российских «бэтээров», подумал Варяг.

– За встречей я буду наблюдать со стороны, – сказал он. – Веди разговор жестко, и если мы пойдем сегодня на компромисс, то это могут расценить как слабость.

– Хорошо.

Сивый понимающе кивнул.

– Возможно, они приготовят какой-нибудь сюрприз, и к этому тоже нужно быть готовым. Вряд ли дон Монтиссори захочет простить нам вчерашнее. Эти итальянцы чрезвычайно ранимы и очень вспыльчивы, они могут и не понять наши национальные шутки.

Поколдовав в одном месте, Варяг решил перебраться в дальний угол площадки. Он подобрал с земли толстый прут и принялся выводить на песке расщепленным концом загадочные символы. Сивый наблюдал за начертанием иероглифов с той серьезностью, с какой прилежный ученик взирает на творение своего учителя, или так, словно от их написания зависела его собственная судьба.

Потом Сивый кивнул.

– Я уже поразмыслил над этим и успел принять кое-какие контрмеры.

– И тем не менее не расслабляйся ни на секунду, иначе это может закончиться хреново.

Варяг наконец завершил священнодействие и зашвырнул прут в кусты.

Дон Монтиссори явился ровно в семь. С ним были три десятка проверенных бойцов.

Заброшенная строительная площадка была безлюдна, только из чащобы, где виднелись белесые балки, доносился женский хохот, прерываемый пьяными выкриками.

Альберто Монтиссори уже хотел сказать стоявшим по обе стороны от него солдатам, что русский дон не так пунктуален, как того требуют традиции, когда кусты туи раздвинулись и на аллею вышел спортивного вида мужчина, а за ним десятка три здоровенных парней. Это был Сивый со свитой.

– Ого! Я вижу, вы намерены устроить военный парад, – произнес дон Монтиссори.

Сейчас Альберто напоминал добрейшего дядюшку, надумавшего устроить малолетним племянникам рождественскую елку.

– Что вы, мистер Монтиссори, просто это обычная мера безопасности. Мы очень не любим неприятные сюрпризы. А когда в нас стреляют, это вообще нам кажется отвратительным делом, – обиженно отвечал Сивый, напоминая послушного сына, терпеливо выслушивающего серьезные наставления строгого папаши.

Монтиссори обвел взглядом ополчение русского дона. Он понимал, что эти ребята держат руки в карманах не потому, что они у них мерзнут.

– Это вы мне звонили? – спросил дон Альберто.

– Да, – коротко ответил Сивый. – Но мне бы не хотелось разменивать наш содержательный разговор на светские, ничего не значащие любезности. Вы искали встречи, и вот я здесь, так давайте перейдем сразу к делу. Вы посоветовались с вашими коллегами относительно предложенного нами процента?

– Вы запрашиваете слишком много. Такой процент не посмело бы взять даже государство. – Монтиссори чувствовал, как на него накатывает волна раздражения, но он усилием воли сумел с ней справиться.

– Мне следует понимать ваши слова как отказ от предложенного нами сотрудничества, мистер Монтиссори?

Альберто Монтиссори желал выиграть время. Он серьезно готовился к встрече с русским доном, а потому под модный двубортный пиджак надел тяжелый бронежилет. Монтиссори по-прежнему любил риск и сейчас рассчитывал на фактор внезапности. Он знал, что сначала прозвучит одиночный выстрел из снайперской винтовки, а потом, взмахнув руками, русский дон упадет на землю. А уже затем показать себя должна его личная гвардия, не однажды проверенная в стычках с другими кланами. Получив добрую порцию свинца из скорострельных «узи», русские наверняка поумерят свои аппетиты и в другой раз окажутся более сговорчивыми.

Время шло, а русский дон оставался невредимым и как будто издевался над ним.

– Нет, просто я прошу время на обдумывание.

– У вас было достаточно времени до сегодняшнего вечера, чтобы подумать обо всем. Или, может быть, я не прав, мистер Монтиссори?

Этот парень был напорист. Монтиссори взглянул на часы.

– Возможно, у вас, в далекой России, дела решаются по-иному, но здесь совсем другие правила.

– Я изрядно наслышан об этих правилах, мистер Монтиссори. Вы стреляете друг в друга с любезными улыбками на лицах, это – типично сицилийская вежливость. У нас другие традиции. Однако мы вступаем в ненужные дискуссии и отвлекаемся от основной темы нашего разговора. Вы богаты, мистер Монтиссори. Вы очень богаты. И насколько я знаю, вы, как и всякий итальянец, человек верующий, а потому должны знать, что Иисус Христос завещал делиться с ближними. И наши условия остаются неизменными – вы должны отдать нам ровно двадцать пять процентов, а еще выплатить небольшие комиссионные за тех наивных девочек, что работают в ваших барах почти бесплатно. В отличие от девочек, мы не столь наивны. Мы дорожим своими соотечественниками, это наша национальная черта, и эти деньги пойдут на их дальнейшее трудоустройство, когда вы им откажете за ненадобностью. Итак, я жду ответа, мистер Монтиссори.

Альберто Монтиссори незаметно снова посмотрел на часы, а потом перевел взгляд туда, где должен был сидеть Лучано. Условленное время наступило, но выстрела не последовало. Пуля, пущенная в лоб зарвавшемуся русскому дону, наверняка помогла бы уйти от ответа. Рядом стояли три десятка боевиков, которые слушали этот разговор и нетерпеливо дожидались команды Монтиссори. Но их дон почему-то медлил.

– А если я отвечу «нет»?

– Не обещаю вам, что мы расстанемся большими друзьями. Думаю, от этой ссоры больше потеряете вы. Вы привыкли к раю на земле и благополучию, мы же всегда довольствовались

только самым необходимым. Думаю, мне не нужно вам растолковывать, что война всегда выливается в большие затраты. Это потеря клиентов, пошатнувшаяся репутация, срыв сделок. А лишения, вызванные войной, в какую следует оценить цифру? Вам и вашим сыновьям придется непрестанно прятаться, и еще неизвестно, кто выйдет из этого спора победителем.

Дон Монтиссори видел перед собой не дилетанта. Чувствуется, русский дон прошел хорошую выучку. В беспокойной России научиться этому немудрено. Там сейчас везде пальба.

К тому же со словами русского трудно не согласиться – война всегда требует больших расходов. Придется на много месяцев отрешиться от дел и подчинить свое существование тому, чтобы наказать нахального русского дона. Не исключено, что империя, которую он, Монтиссори, создавал многие годы, в случае боевых действий может расколоться на множество независимых государств, а это крах честолюбивым помыслам.

Выстрела по-прежнему не было. Что-то не сработало в его планах. А ответ нужно было давать немедленно.

– Хорошо... Я принимаю ваше предложение, – с усилием выдавил Монтиссори. Пусть будет так. Сегодня нужно выиграть время, сделать вид, будто согласен на условия русских, а потом, когда будут выявлены слабые места в их структуре и установлены лидеры, следует обрушиться на них всей мощью могучей империи под названием клан Монтиссори.

– Ну вот, видите, как все устроилось. Я знал, что мы с вами сегодня поладим. Завтра утром мы сообщим вам банковский счет, на который следует сделать первые перечисления, а о дальнейшем мы с вами поговорим в ближайшем будущем.

– Как мне вас найти, если в этом возникнет необходимость?

Сивый колебался мгновение, а потом протянул Монтиссори визитку.

– Наш офис расположен в центре Сан-Франциско. Всегда будем рады видеть вас, мистер Монтиссори. И еще вот что я хотел сказать. – Сивый поднес ладонь ко лбу, будто пытался припомнить что-то очень важное. – Метрах в пятидесяти отсюда чего-то ждет один из ваших парней, его, кажется, зовут Лучано Антониони... Так вот, сегодня ему не повезло. Здесь парк чрезвычайно беспокойное место. Вы бы позаботились о нем. А теперь позвольте с вами распрощаться.

Сивый шагнул в сторону, и уже через мгновение темнота аллеи поглотила его худощавую фигуру, точно так же исчезли и молодцы русского дона, и если бы не вытоптанная трава вокруг и не глянцевая визитка в руках, то Монтиссори мог бы подумать, что все это ему привиделось.

А в глубине парка прозвучал резкий и неприятный женский смех.

– Где Лучано? – крикнул Монтиссори. – Найдите его! Немедленно!

Дон Монтиссори был вне себя от ярости. Такого позора он не испытывал давно. Его распирала страшная ненависть. Под руку ему попался один из зазевавшихся бойцов. Дон Альберто схватил его за рукав и стал хлестать по щекам до тех пор, пока ладонь не опухла.

– Альберто, – к дону Монтиссори подошел Карло.

Карло Скальони был правой рукой Монтиссори, и дон никогда не решал стратегических вопросов, не посоветовавшись с ним. Он доверял ему больше, чем кому-либо, и на это были веские основания – они родились в одном квартале и когда-то составляли костяк одной банды. Они знали друг о друге практически все. Поговаривали, что даже ухаживали за одной и той же девушкой, и красавица не без корысти по очереди делила ласки с очаровательными юношами. Внешне они не были похожи друг на друга. Если Монтиссори был коренастым и плотным, напоминая состарившегося тяжелоатлета, то Карло Скальони был дылдой, а его оплывшая физиономия намекала на то, что пиво он предпочитает всем остальным напиткам.

– Что еще, Карло?

– Лучано мертв.

– Вот оно что. Значит, русский дон не шутил, – только и сумел вымолвить Монтиссори.

Да, русский переиграл его – предугадал припасенный сюрприз и действовал в своем стиле. У русского дона свой особый почерк, подумал Монтиссори.

Ему было невдомек, что он имеет дело с изощренным преступным российским умом, граничащим с невероятной интуицией, и что вся эта история всего лишь первое предупреждение сицилийскому дону: не спеши совершать опрометчивые поступки.

– Что прикажешь делать, Альберто?

Карло Скальони предвидел ответ. Еще утром на разводе он велел солдатам облачиться в бронежилеты и держать в запасе по лишнему магазину. Шли на рискованное дело, поэтому Карло пообещал им, что сегодняшний день каждому будет стоить больших премиальных, никак не меньше двухмесячного жалованья. И сейчас боевики не спешили расходиться, чего-то ждали. Ждали заключительных слов дона Монтиссори.

– Так что прикажешь делать, дон Альберто?

– Ничего, – коротко обронил дон и, увидев недоумевающие взгляды стоящих рядом парней, раздраженно рявкнул: – Вы слышали, что я сказал?! Ничего! Ни-че-го!

Глава 17

Варяг делал невероятные успехи.

За короткий срок он сумел создать такую мощную организованную боевую структуру, которая успешно могла бы соперничать не только со всемогущими кланами, но, если того потребовали бы обстоятельства, и с регулярными федеральными войсками. Варяг смог объединить под своими знаменами различные группировки: из числа российских эмигрантов, выходцев из Польши, Кубы, Болгарии.

Он обладал особым обаянием, сила которого была необычайно велика. Под действие его обаяния часто попадали не только хорошенькие женщины, жены крупных бизнесменов, но и их осторожные мужья. Прекрасных дам он покорял своим остроумием, которое, надо сказать, частенько граничило с недозволенным. Но это лишь усиливало общее благоприятное впечатление. Владислав Геннадьевич всем своим видом, манерами напоминал аристократа, завсегда-тая светских приемов, готового с удовольствием поддержать в меру шумное застолье и веселую компанию. С мужчинами он был в меру откровенен и по-деловому собран, с дамами весьма любезен, а порой необыкновенно нежен. Правда, эта обходительность всегда сопровождалась иронией, сквозившей в каждом его слове, но была настолько мила, что никого не задевала. И никто не мог предположить, что свое остроумие столь утонченный и внимательный мужчина оттачивал не на светских раутах, в присутствии высокопоставленных гостей, а в камерах следственного изолятора, где, как правило, сидели не балованные жизнью, но весьма искушенные слушатели и воспринимали удачное словцо так же живо, как малышня в цирке чудачества рыжего клоуна. Можно было подумать, что большую часть жизни мистер Игнатов провел не в соседстве с малограмотными зэками, а в окружении политиков, кинозвезд, шоуменов, топ-моделей.

Что касается деловых кругов, то и здесь за короткий период он сумел приобрести репутацию надежного компаньона – за полтора года не сорвал ни одной сделки, работал по-крупному, благодаря чему имел солидные, крепкие связи среди финансистов и промышленников. Его деньги были удачно и с умом вложены: в государственные проекты, в строительство объектов военно-промышленного комплекса. Его слово стало для многих таким же убедительным, как золотой вексель. Чистый капитал фирмы «Интеркоммодитис», по оценкам специалистов, составлял восемьсот миллионов долларов, однако многие служащие фирмы могли догадываться, что эта цифра была значительно больше.

Быстрый взлет «Интеркоммодитис» никого не удивил, поскольку Игнатов Владислав Геннадьевич оказался не единственным, кто, выехав из России в период перестройки, имел немалые капиталы за счет вливаний от российских фирм и банков. На неконтролируемый приток денег местные власти лукаво закрывали глаза. Кто же откажется от дармовщины? Но ни у кого и в мыслях не было, что это не единственный вид деятельности русского бизнесмена. Помимо всего прочего, Варяг уже контролировал немалую часть ночных клубов Тихоокеанского побережья, сумев войти в долю к Альберто Монтиссори; он успешно потеснил представителей других семейств с бойких мест в центре Сан-Франциско и в близлежащих курортных городишках. С уже облюбованного Западного побережья он стал заглядывать на Восток, на пляжи Флориды. Ему уже виделся тот день, когда он ступит на землю Лас-Вегаса не просто игроком с двумя-тремя сотнями тысяч долларов в кармане, а как один из хозяев этого могучего центра в индустрии развлечений.

Варяг постоянно продолжал укреплять свою армию, основное пополнение приходило из вновь прибывающих эмигрантов. Познавшие жизнь ночлежек, похлебавшие лиха в доках американских портов, поскитавшиеся, поголодавшие и отчаявшиеся, они мгновенно отзывались на его заманчивые предложения, быстро начинали ориентироваться в новых условиях и готовы

были исполнить практически любое распоряжение своего шефа. Варяг предвидел, что скоро ему станет тесен тот мир, который он сумел создать, а потому охотно посылал эмиссаров в новые места. Уделяя большое внимание своей безопасности, он также уделял львиную долю времени изучению достижений своих партнеров по бизнесу: не прошло и года, как Варяг знал практически все об основных кланах. Этому в немалой степени способствовала новейшая техника, на которую он не жалел средств, – подслушивающие устройства и аппаратура устанавливались в офисах, домах и машинах его конкурентов. Владислав стал энергично вникать во взаимоотношения внутри семей, изучил их сильные и слабые стороны, и для него уже не являлось секретом, какими силами располагают те или иные группировки. Варяг был осведомлен и о том, сколько бойцов может выдать каждый клан в случае возникновения открытого конфликта. Особый интерес для Варяга представляли источники дохода каждой семьи. Он достаточно быстро увидел важную закономерность – более восьмидесяти процентов дохода приходится на незаконные операции, а по российским воровским понятиям, этот бизнес следовало обложить побором.

С помощью Сивого через какое-то время Варяг имел во многих группировках своих людей. За информацию он всегда платил очень щедро, награждая особенно ретивых крупными перечислениями на личную банковскую карточку. Так он поступал в России, когда хотел знать, что творится в регионах, – во многих воровских сообществах он имел своего человека.

Варяг смог убедиться в том, что опробованный в России метод блестяще действует и здесь, в США, в стране с развитой демократией. В каждом клане непременно отыщется гангстер, готовый за щедрое вознаграждение поделиться «семейными» секретами. Порой Варяг был осведомлен о делах какого-либо из кланов в не меньшей степени, чем сами крестные отцы, обремененные текущими вопросами и тугими кошельками.

У Варяга разгорался вкус к предпринимательству. Он чувствовал, что у него есть к этому способности – филиалы его фирмы теперь были открыты по всей стране. Одни торговали лесом, пшеницей, металлом, другие специализировались на посредничестве в деловых контактах с Россией. Третьи занимались производством ширпотреба и торговлей на Россию.

Организация, созданная Варягом, крепла. Какое-то время дела шли просто блестяще – получалось все, что бы ни было задумано. И это несколько притупило внимание Варяга. Неприятности начались пару месяцев назад, когда Варяг отправил своих представителей для переговоров с одной из крупных группировок Лос-Анджелеса, а сам улетел в Амстердам.

Ужасное известие застало его утром за чашкой крепкого кофе. Звонил Сивый. Двоих эмиссаров, отправленных им в Лос-Анджелес, застрелили в упор в тихом французском ресторанчике во время распития бордо. Еще двоих нашли с простреленными черепами в борделе в центре Сан-Диего. Труп пятого был обнаружен полицией в мусорном баке в Санта-Барбаре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.